

Илья Слобожанский

Зайтан-Бродяга

Тихий город.

18+

Илья Слобожанский
Зайтан-Бродяга

«Автор»

2019

Слобожанский И.

Зайтан-Бродяга / И. Слобожанский — «Автор», 2019

Серые дома с чёрными провалами разбитых окон царапают хмурое небо. Вровень бурьяну застыли фонарные столбы, на захламлённых улицах рыжими пятнами ржавчины разбросаны скелеты автобусов и легковушек. Город умер, и это случилось так давно, что теперь никто и не вспомнит его название. Зайтан-Бродяга — искатель, он, как и другие жители крепостей-посёлков, ходит в город на промысел. В обветшалых домах прячутся звери и бандиты. Искатели забираются на чердаки, опускаются в подвалы, собирают всё то, что может пригодиться для жизни в их поселениях.

© Слобожанский И., 2019

© Автор, 2019

Зайтан-Бродяга Тихий-город.

Серые дома с чёрными провалами разбитых окон царапают хмурое небо. Вровень бурьяну застыли фонарные столбы, на захламлённых улицах рыжими пятнами ржавчины разбросаны скелеты машин. Город умер и это случилось так давно, что теперь никто и не вспомнит его название. Искатели прозвали город – Тихий. Боятся люди тихих руин и всего того что там поселилось.

Зайтан-Бродяга искатель, он, как и другие жители крепостей-посёлков ходит на промысел в Тихий город. В обветшалых домах прячутся дикие звери и бандиты. Трава, деревья, насекомые, растрескавшиеся потолки, стены – всё это может убить. Искатели залезают на чердаки, опускаются в подвалы, выгребают из брошенных домов всё то, что может пригодиться для жизни в крепостях-посёлках.

Пролог.

Не знаю с чего и начать? Надо бы с главного и интересного. Кто бы ещё подсказал что в моей жизни главное, а что интересное? Ну да ладно, попробую как смогу, а Вы сами решайте.

Родителей у меня нет, подкидыш я. Гринька – Колченогий нашёл замотанного в тряпки младенца, отыскал в кустах у дороги и притащил в посёлок мусорщиков. Обменял меня на выпивку у торговца Варга.

Гриньку в посёлке сторонились, обходили десятой дорогой. Любил Колченогий навеселе кулаками помахать, а веселился (пил кислую) и дрался каждый день, без меры выпивал мой спаситель. Кулаки у Гриньки как молоты в кузне, шарахнет по столу, доски трещат, ломаются. Трудно Гриньке отказать, когда он страдает похмельем. Расщедрился торговец на три кувшина кислой, отмерял Гриньке две косицы вяленого мяса, пять пригоршней солёных орехов и поношенные ботинки. Давно это было, лет двадцать назад.

Сейчас другие времена, суровые. За найдёныша если и дают только не мясо и орехи, а по башке и в холодный погреб запрут под замок. Но это если сильно повезёт, найдутся заступники. А нет, так взашей из посёлка вытолкают. Могут забить насмерть, и ещё неизвестно что хуже? Пришибут быстрая смерть, за забором долгая, мучительная. Вот и обходят подкидышей и найдёнышей стороной, боятся.

Слышал я разные истории о брошенных детишках. Люди говорят – болотный люд своего выкорыща может подбросить, тот подрастёт сил наберётся и передумит всё поселение. Ворожеи из Заскорузлого леса, эти куда хитрей и опасней болотников – дурным зельем дитя опоят, на тропке положат. Сердобольная баба или мужик подберут, в избу принесут. Малыша не спасёшь, а беда долго ждать не заставит. Мор нападёт, всякая дрянь с омутов да гнилых ям к частоколу ползет. Сам я такого не видел, но людям верю. Не станут они врать и наводить напраслину.

Вот и выходит, спасибо родителям, появился я на свет вовремя. Потому-то и не сгинул на окраине, и мусорщики не прибили вместе с Гринькой-Колченогим. Он хоть и крепок на кулаки, но против пули или ножа не устоит.

Искатель из Гриньки так себе, далеко не ходил, рылся неподалёку от посёлка. Хлам собирал, обменивал находки у Варга, тем и жил. На еду и выпивку хватало. С чего вдруг ему вздумалось сунуться в город я не знаю. Там и трезвому не безопасно, а пьяному, да ещё и хроменькому смерть в спину пальцем тычет. Пропал Гринька в Тихом, лет десять назад как ушёл да, так и не вернулся. Жалко Гриньку, хороший был мужик. Не давал меня в обиду.

Третий день идёт дождь, небо как мешок у нерадивого торговца, всё что в него падает тут же вываливается через дыры. Дожди в наших краях не редкость, но самое плохое это ветер. Резкий он, холодный, бьёт плетью сквозняков, толкает на острые камни, воеет как голодный зверь в чёрных провалах разбитых окон города. Он здесь хозяин, ему всё можно, гремит кусками железа, гудит в печных трубах, раскачивает ржавые фонари. Никто его не поймает, да и не встречал я охочих за ветром гоняться.

Тихий город умело и быстро убивает чужаков. Побрёл звериной тропой – сожрут даже днём. Тронул не тот камень – стена рухнет. Свалился в яму, а там жёлтый туман за горло ухватит и уже не отпустит. Не успел до темноты в лёжке залечь – верная смерть. Когда пропадают тени зверьё главный враг, унюхают не убежишь. Как не крути, а пришлым в Тихом жить не долго.

Врать не стану, город и завсегда не особо-то жалуется. Живём по его законам, придерживаемся не писанных правил

– днём, осторожно не поднимая шума в уцелевшие дома забираемся всякие нужности достаём. Ночью, в лёжках да схронах отсиживаемся. В Тихом и наш брат пропадает, уходят люди и не возвращаются.

Приятелей у меня не много, по пальцам сосчитать можно. Бродягой кличут, для остальных я Зайтан. Не знаю на каком это языке, может мусорщики специально для меня такое словцо придумали, а может и кто-то другой, ещё до них постарался. Слово интересное, заковыристое со смыслом. Зайтан – уже не чужой, но ещё и не свой. Вот такое мне имя на совете посёлка дали. Так и живу с двумя, Зайтан-Бродяга. Но я не в обиде, так даже лучше, по оклику можно понять кто позвал?

Бродягой меня Гринька нарёк. Частенько я убежал от Варга, ночевал у Гриньки в сарайчике с дырявой крышей. Но ещё чаще бродяжничал, подкармливался на рынке, спал в заброшенных домах. В питейной жилось не сладко, к подзатыльникам и пинкам сызмальства приучили. Варг руки не распускал, боялся Гриньку, а вот его сыновья всем скопом мутузили. Лукерья, жена торговца мокрой тряпкой охаживала. Невзлюбила она меня с первых дней, криворукиком выродком обзывала.

Спозаранку до поздней ночи я на семейство Варга батрачил. Хворост собирал, в питейной посуду мыл, за скотиной в хлеву прибирался, там же и жил, спал, ел на сеновале. А как пропал Гринька торговца осмелел, за малейшую провинность бил палкой. Спасибо кузнец Акан вступился, дал за меня два десятка патронов и забрал в кузню. Днём работал я в кузне, на ночь уходил в Гринькин сарайчик. Подрос, набрался сил, в кузне быстро крепчаешь. Поначалу уголь таскал, горн раздувал, молоточком тюкал. Вровень с калиткой поднялся, Акан доверил молот. Многому я у дядьки Акана научился. Обменял Акан кузню на воз разного добра, запряг Черноногого и уехал. Куда и по какой нужде не сказал. Он уехал, я и подался в искатели.

В посёлке мусорщиков меня не жалуют, всему виной промысел, не роюсь в мусорных кучах на окраинах, хожу в Тихий. Много там уцелевших домов, всё больше высотки. Встречаются и низенькие, двух и пятиэтажные. Беру только то, что в мешке унести можно, излишки в схоронах прячу.

В родном посёлке обмениваю добытое, за моим товаром очередь выстраивается. Разбирают всё до последней железки. Кастрюли, миски, кружки, ножи и ложки в большом спросе. За ложку хвост сушёной рыбы, или косица вяленого мяса. За кухонный нож три винтовочных патрона, за кастрюлю десять. Цена не велика потому-то и не выгоняют за частокол, нужен я им. Пока что нужен, год-другой и не откроют ворота. Всё чаще и чаще завидев меня причитают, пророчат близкие беды и страдания. И причина грядущих напастей конечно же я. Потому как хожу где заблагорассудится и не живу по законам посёлка. Говорят – беды-невзгоды я за собою на верёвке таскаю. Глупости всё это, но люди верят. Потому и не засиживаюсь в своём сарай-

чике больше двух дней. Сменял добытое, отоспался и обратно в Тихий. Там, среди серых домов мне спокойней. Кто-то покрутит пальцем у виска, скажет я чокнутый и будет прав. Тихий не место для людей, его хозяева звери зубастые голодные, они там хозяева. Да и людишки по городу шастают разные, встречаются и такие что за чужим добром охотники, грабят, убивают. Вот и приходится носить оружие, пальнёшь, шум поднимешь и беги пока зверьё не вылезло, на грохот оно даже днём из своих нор выбирается.

Что-то я увлёкся, не смотрю под ноги, не слушаю шорохи. Нельзя в Тихом расслабляться. На прошлой неделе стена обвалилась, троих пришибленных похоронила, двоих покалечила.

Странный народец пришибленные, везде они лезут, землю копают, стены разбирают. Вот и до разбирались, хотели дыру в проходе расширить, вытащили из пролома с десятков кирпичей, а оно возьми и пол дома отвались. Искатели вроде меня на этих несчастных в большой обиде. Проход-то они расширили, даже больше чем нужно, но и лёжку что для многих служила укрытием на ночь, тоже обрушили. Засыпало её камнями, нет больше лёжки. Роют, копают, точно им трещин и ям в земле мало. Правильное им дали прозвище – пришибленные, вернее и не назовёшь.

Куда не глянь куски порушенной кладки, поломанные балки, остатки кровли. Впереди, метров на тридцать открытый участок, в этом месте только бегом, а не хочешь бегать ступай в обход. Напрямик конечно заманчиво, но вот беда ветер в спину. Дождик камни намочил, как бы ноги не сломать? Ботинки у меня не новые, но крепкие, шнуровка голень стягивает, в таких можно и побегать. Обувка в моём ремесле важная штука, чем выше голенище, тем больше шансов ноги сберечь. Пойду по прямой, путь хоть и трудный, но недолгий. В обход может и не так опасно, но тоже не сахар. Взбирайся с этажа на этаж, лазай перекошенными, обветшалыми лестничным маршами. Надо бы поспешить, темнеет, а я и пол пути не прошёл. Сумерки, для зверья начало охоты. До ближайшего схрона, почти квартал мрачных домов и сырых провалов. Не нужно мне в схрон, хочу в Бочке на ночлег остановится. Выпью кислой, в баньке попарюсь.

Под ногами битый камень над головой низкое, распухшее небо. Иду быстро, но осторожно. Дождик чуток поутих, да и ветер ослаб, везёт мне сегодня. Время сэкономлю и, если сильно постараюсь ноги сохраню. Хватаюсь руками за балку выбираюсь из ямы. Рюкзак за спиной мешает, да и винтовка не особо удобная штука для таких вот лазаний. Ну да ничего, раз два и уже наверху. У меня перчатки из шагреновой кожи, крепкие они хоть и старенькие, не раз выручали. Руки беречь нужно, оцарапаешь и не ходок в город. Распухнут, как стрелять и по этажам лазать? Ещё немного и я на месте. Вон из-за той горы кирпичей хорошо видно дорогу к казармам. Туда-то мне и нужно.

Не знаю, может, показалось, хотя нет. В чёрном проломе торцевой стены, на той стороне улицы кто-то маячил. Наблюдал, следил как я прыгаю по кирпичным глыбам. Ладно, поглядим кто это там такой любопытный? Пригнусь и уйду по яме. Если свой, искать не станет, сам покажется. А если чужой, дело дрянь. Время не на моей стороне, ночь близка. Я человек мирный, но и пропадать за так не собираюсь, винтовка всегда при мне.

– Тинь-тинь-тинь!!! – Зовут от пролома.

– Крик-крик!!! – Отвечаю я.

– Тинь-тинь!!!

– Крик!!! – Рычу и поднимаясь в полный рост.

– Чего застыл? Шевели копытами. – Торопит давнишний приятель Мишка Вольтанутый. – Вылезай, некогда мне. – Руки и лицо измазаны сажей. На голове вязаная шапочка грязно-зеленого цвета. Ботинки красные от кирпичной пыли, да и кожаная куртка что когда-то была чёрной, теперь серо-красная в мазутных пятнах. – Где тебя носит? Спешить нужно. – Ворчит Мишка, поглядывает на руины за моей спиной. – Принёс?

– Может и принёс. – Отвечаю почти шепотом, снимаю рюкзак. – А чего тебе нужно?

– Шутишь? – Мишка улыбается и глядит с прищуром. – Отдавай карту. Некогда мне.

– Так и я не гуляю. Хочу до темноты к Бочке выйти.

– Ты чего? – Мишка хмурится, моргает точно в глаз что-то попало. Нос у моего приятеля как клубень белой, губы узкие, глаза навывкате. Смешной он, особенно когда злится. Ходят желваки, один глаз дёргается, губы поджимает. Похож Мишка на зверька тумпика. Так и хочется брякнуть – не прячь губу тумпик, дыши ровно. – Чумазого не встречал? – Спросил Мишка и отвернулся. Не любит он, когда я его рассматриваю. Совсем плохо у человека с чувством юмора. – Чего зыришь? – Шипит Мишка, глядит на меня из-под бровей. – Встречался с Чумазым?

– А должен? – Спросил и подмигнул, хотел было брякнуть дежурную шутку про его нос, но решил промолчать. На взводе Мишка, злится.

– Ага, должен. – Ворчит приятель и оглядывается.

– Ну, извини, не знал. Это тебе. – Косица вяленного мяса перекочевала к Мишке.

– Не извиняйся. – Приятель понюхал подарок и сунул его за пазуху. Не умеет Мишка говорить спасибо. – Я пустой. – Как-то виновато выдохнул он. – Если что отыщу, отдам. Ты меня знаешь, в долгу не останусь.

– Не нужно. Это я так, дарю. Чего тебе наобещал прощелыга? Что за карта?

– Не скажу. – Мишка тяжело вздохнул и плюнул на камни. – Сотню патронов за неё отсыпал. Поймаю, убью гада.

– Ты толком объясни, что стряслось? За какие заслуги патроны раздаёшь? Может, и мне отсыплешь?

– Ага, щас. Всё брошу и отсыплю. – Мишка снял с плеча винтовку и полез в разбитое окошко. – Не ходи к реке. Вояки на нашем берегу ловушки на клычей поставили! – Переплетаясь с эхом шагов донеслось от развалин. – Кого из наших встретишь, предупреди! Ловушки возле брода на мелководье! Бывай!

– А чего на нашей-то? Им что, своей мало!? – Спросил, но ответа не дождался. Мишка пропал в черноте руин.

Вообще-то Мишка неплохой парень, но с причудами. Вот как сегодня, я с ним разговариваю, а его и след простыл. Ни тебе здрасте ни тебе до свидания. А всё потому, что он из пришибленных. У них, все чуток не в себе. Мы, полезные вещи собираем, а они не нужные побрякушки откапывают. Колечки, цепочки из жёлтого и белого металла, а ещё за цветными стекляшками большие охотники. Кому оно нужно такое добро? Жизнью рискуют под завалы лезут, на чердаки взбираются, в склепах роются.

Мы с Мишкой давние приятели, можно сказать с малолетства. Мальчишками на окраине города встретились, подрались, после чего и за дружились. Мишка рискованный парень, смелый. Он с Витькой Прожжённым на гнилое озеро ходил. Витёк после того похода умом тронулся. Наверное, смрадом надыхался, а может и правда что-то страшное увидал. С тех пор ему разные чудища видятся. Живёт Витёк в лесу от людей прячется, совсем одичал в глуши. А Мишке хоть бы что, как был чудаковатым таким и остался. Как и раньше для меня из дальних мест ножи и ложки приносит. Он мне свои находки, а я ему свои, но чаще покушать приношу. Один раз, я ему горшок с цацками на развалинах отрыл. Мишка тогда, разве что не танцевал от счастья. Стекляшки в серьгах ему очень понравились. На радостях и расщедрился, с десяток кухонных ножей мне сразу отдал, через день полсотни вилок с ложками притащил.

Глупый Мишка, попади он к нам на рынок с таким-то товаром, еды набрал бы два мешка. Но я его понимаю, пришибленных в мой посёлок не пускают. Да если бы и пустили, вряд ли Мишка к нам пошёл. Бояться люди мусорщиков. А всё потому что у нас в каждом доме по идиоту, а где и по несколько. Пришлых на дух не переносят, а сами в другие поселения ходить боятся. Есть и такие кто за забор носа не высовывают, уже и позабыли, когда за частокол выбирались. Именно эти больше всех и голосят, во всём и вся вестников беды видят. Ветер от болот подул – жди напастей, гром шархнул, молния блеснула – всё, конец света приближается.

Соберутся на базарной площади падут ниц, поднимут к небу руки и воют. Да так громко и противно это делают, хоть уши затыкай. Те же пришибленные десятой дорогой наш посёлок обходят. Вот и получается, никто никому не доверяет и все всех боятся. Так и живём.

Вот и городская площадь. Если поглядеть на серо-красный дом, за ним можно увидеть угол высотки. На самом верху деревянный крест. Не нравится мне это место. Всякий раз, когда здесь бываю голова чумная в каждом окне если не зверь, то бандиты чудятся. Почему так, не знаю?

Наши соседи технари, этот угол – дорогой к небу прозвали. Странное название, но верное. Год назад рухнул высоченный домина и всё бы ничего, грохнулся и ладно, не впервой такое случается. Дома старые, обветшали, вот и падают. А этот, как-то особенно обрушился, развалился, но не весь. Если смотреть от реки, ну точно ухабистая дорога в небеса и крест будь он неладен. Вроде ничего такого, две доски одна большая, другая поменьше, с этого места совсем крохотным крест видится. Такие штуки на кладбище можно встретить. Правда, у нас и кладбищ как таковых нет, редко кого хороним. Больных и слабых за забор выгоняем, потому как пользы от них нет. За рвом и частоколом зверьё голодное, сожрут и костей не сыщешь.

Гадкий народец живёт в моём посёлке, трусливый. Толпой они конечно смелые, а вот по одиночке точно тараканы по щелям забиваются. Мне конечно жалко тех несчастных что за забором смерть свою находят. Но если подумать, в том есть и их вина. Совет посёлка решил, вот и выгнали. А кто в совете, они же и были в нём, всем сходом чужие судьбы решали. Вот и до решались, результат на лицо, вон сколько домов с заколоченными окнами и дверями стоят. Того глядишь год другой и вообще никого в посёлке не останется.

Последнее время, народ что по руинам лазать не бросил всё чаще и чаще пропадает. Ушёл человек на промысел, или ещё куда по своим делам вышел за ворота и больше не вернулся. Кто знает, а может он в другое место перебрался, отыскал тёплое, сытное, за реку рванул новые места обживает. Как проверишь? Вот и выходит, хоронить в посёлке некого.

Хотя нет, соврал. Не так давно Терентий помер. От чего и как не знаю. Горка камней, деревянный крест из некрашенных досок, вот и всё что осталось в память о Терентии. Дом его заколотили, добро вынесли, растащили по своим домишкам. Самсон, дружок покойного за могилкой приглядывает. Сорняки прополет, землю свежим песочком посыплет, цветочки положит. Кружку кислой доверху нальёт усопшему другу, сам же и её выпьет, посидит чуток и уходит.

Когда через погост прохожу стараюсь не глядеть на могилы. Упру взгляд в тропку что под ногами и ходу. Да и чего на них глядеть, грязно-серые кресты да камни, радости в том мало, от могильных холмов на душе нехорошо становится. Вот и сейчас, только вспомнил о погосте, про свою смерть подумал. Где будет моя могила, и будет ли она вообще? Ну да ладно, что-то отвлёкся, вернёмся к дороге в небо и к кресту что тучи царапает.

Не знаю, что технарям в голову взбрело, но они своё творение в чёрный цвет выкрасили. Может и правда кого-то там схоронили? Люди всякое болтают, но как по мне глупости всё это, незачем покойника на такую высоту тащить. Да и ноша не по силам, туда и налегке не каждый взберётся. Не уж-то другого места для могилы не нашлось?

Жуткая картина, серые дома, грязь, сквозняки, а с неба глядит чёрный крест. Всякий раз проходя мимо, даже издали зарекаюсь не поднимать головы. И каждый раз хоть искоса да поглядываю, останавливаюсь и таращусь на крест точно зачарованный. Время не засекал, но в Тихом много и не нужно чтобы сковырнуться. Есть в этом кресте что-то не от мира сего, и не один я это заметил. Вот к примеру Мишка Вольтанутый, он как-то мне пожаловался. Из-за этого креста будь он неладен, Мишка чуть шею себе не свернул. Поглядел, раззявил варежку и в яму свалился. Если бы не Юрок Долговязый, он рядом железки собирал, пропал бы Мишка. Башкой здорово о камни приложился, неделю ходил чумной.

А ещё мне рассказывали – технари, глядя на угол что-то бормочут и крестятся. Хочу заметить, технари это Вам не пришибленные и не мусорщики, они попросту ничего не делают. Технари народ головастый, машины разные восстанавливают, оружие чинят из жирной грязи что в Сухой пойме смрадным озером растеклась керосин выжимают. А уж если технари крестятся, стало быть есть на то серьёзные причины.

Попал я как-то на светопреставление, на моих глазах пятиэтажка рассыпалась. Зрелище я вам скажу хуже не придумаешь. Землю трясёт, куда не глянь пыль столбом не вдохнуть не выдохнуть. Хочется драпануть, всё одно куда, главное подальше. Но в какую сторону бежать не разберёшь, везде гудит, падает, осыпается. Не знаю, как я тогда уцелел, как выжил, не помню. Очнулся, вокруг горы кирпича, битые плиты, куски арматуры во все стороны торчат, а на мне ни одной царапины. Ну, разве что большая шишка на лбу, глаза пылью запорошило и полон рот песка.

Кто-то скажет повезло, но я не верю в везение. Как по мне, ходит рядом с каждым из нас неведомая сила, она и не пускает дальше дозволенной черты. За нас решает жить, или умереть, чем заниматься, кем быть? Она же и удерживает, а пожелает столкнёт на камни или на зубастого зверя выведет. В тот день, когда пятиэтажка рассыпалась, это она меня уберегла, не дала пропасть, показала себя, обозначила.

Теперь-то я точно знаю, и у домов есть душа. Болеют они страдают, кричат, плачут. Услыхал я, когда домина падала, в грохоте и неразберихе едва различимый стон, хриплый, утробный, точно последний выдох. И не только услышал, почувствовал. Из окошка в подвал могильным холодом обдало, да так что едва на ногах устоял. В ушах гул, звон, того глядишь голова расколется, а потом всё стихло, словно и не было ничего. Первое что подумал – помер. До этого случая я не знавал такой тишины. Холодно стало, тихо как в могиле, и вдруг как закричат. Кто и про что кричали, не понятно. Сердце колотится, руки дрожат. Где-то неподалёку заплакал ребёнок, плакал недолго, а потом как засмеётся, громко, заливисто. Я уши руками зажал, не помогло, смех разрывает голову, в лоб молотком стучит, а в затылок точно иглами колют.

Было ещё что-то. Врать не хочу, может и почудилось. Глядели на меня со всех сторон. А еще, шептали десятки, сотни голосов. Слова слышал мудрёные какие-то, непонятные, чужие словца. Сердце защемило, ноги отяжели. А потом всё почернело, и я провалился в беспамятство.

Тайник у меня был в том доме что развалился, на втором этаже за поломанным шкафом добро припрятал. Хорошо, что не дошёл, шнурок развязался. Остановился всего на минуту, тем и спасся. Спешил я очень, торопился. Хотел барахлишко забрать, а вот что припрятал сейчас и не припомню, да это уже и не важно. Я тот день никогда не забуду, детский плач, смех, шепот. И то, как соседние дома отвечали громким воем умирающему брату, тоже не забыть. Всякий раз как вспоминаю, волосы дыбом, к горлу ком подкатывает.

Уверен, технари тоже услышали что-то похожее. Не зря они этот угол дорогой к небу прозвали. Потому-то и крест на самой верхотуре поставили. Хотя кто знает, может я и ошибаюсь? Эти товарищи иногда чудят не меньше, а когда и больше пришибленных. Шумят в городе, да так громко, словно нет лиходеев и дикого зверья. Забираются в такие места, о которых мне и думать страшно. Технарям не нужны ножи и кастрюли, да и колечками они не интересуются. Трубы, провода и всякие мне непонятные механизмы им подавай. В подвалы опускаются, по чердакам шастают. Лично меня, что в подвал что на чердак и на верёвке не затащишь. Там, хоть одна зверюга да спрячется. А ещё, эти ненормальные куда не придут стены долбят и ямы роют. Наверное, и в тот день под самым домом что-то рыли, копали. Потому-то и обвалился домина. А когда начало всё рушиться, технари только и могли как глядеть на падающие камни, ждать своей смерти. Прошла мимо костлявая, пожалела.

После пережитого, те что из-под завалов выбрались за забор не выходят. Сидят в своём посёлке, в Тихий и носа не суют. О том, что там увидели, впервые дни наперебой трезвонили, а потом как воды в рот набрали. С чего вдруг замолчали, непонятно?

Не все остались в посёлке. Знаю я одного, Тихоном звать. Ушёл он от технарей, перебрался в Бочку, работает в коптильне у Хабибулы. Запомнил Тихон на весь оставшийся век как земля стонет, и пыль глаза застилает. А ещё, слышал стоны и шепот. Видал кого-то, но кого не говорит. Сболтнул разок – привиделось что-то живое, огромное. Тихон в город не ходок, боится. Говорит, ему туда дорога закрыта, ослушается умрёт. Обвалились и он, угол дома, братская могила для технарей. Тихон мне раз десять об этом повторил, точно я глухой или с памятью не в ладах.

Но как не крути, даже в плохом всегда найдётся хорошее. Высотка, разваливаясь трянула землю, да так сильно что на соседей улице тоннель обрушился.

Из той дыры, что когда-то давно служила переходом, даже днём разная гадость выползала. Лохматые рогоносы, чёрные тараканы. Но самые гадкие и мерзкие это кракули, молодняк серых пиявок. Эти кровососы даже маленькие грозят большими неприятностями. Прозеваешь и привет родному посёлку, кракулёнышы большие мастера на потолках прятаться. Свалится на голову маленькая дрянь и всё, поминай, как звали. Это одна из многих причин почему я не любитель по подвалам, да подземельям шастать.

Там, где нет солнечного света взрослые кракули, они же серые пиявки всем заправляют. Эти мерзкие твари, бросаются на всё что шевелится. Своей молодью тоже не брезгуют. Потому-то и жмутся кракулёнышы ближе к выходу, лезут на потолки и стены. В большие кучи на ночь собираются, что бы папашки да мамашки не сожрали. А ближе к утру разбредаются, им тоже чего-то есть нужно, охотятся. Нападать ещё не умеют, да и куда им, зубы только на пятом году прорезаются, да и размерами не вышли. Самый большой которого я встречал с полметра длинны, толщиной с кулак. Мелочь пузатая. Но у этих гадов своё возрастное оружие имеется. Клейкой, ядовитой слизью округу пачкают. Человек или зверь в эту гадость залезет и приклеится. Зверюге быстрая смерть, яд что в слизи, убивает не мгновенно, но и ждать не долго. А вот наш брат может и выживет, если из ботинок удачно выберется и босыми ногами в слизь не угодит. Раньше, это место все обходили, но теперь здесь почти безопасно. Если кто и несёт угрозу так это слизи, синяя плесень, а ещё ползучие грибы что живут в выбоинах и трещинах, они и есть главные виновники всех разрушений и основная еда крылатых, ползающих и мелких обитателей города. Куда не глянь, каждая колючка, листочек или букашка, все норовят уколоть или ужалить. Ну да ладно, нужно поспешить, ночь близится, а мне к Бочке через сквер пробираться.

Да что же это такое? Как не стараюсь думать о другом, а в голове Мишка с его картой. Что на ней? Не назову Мишку жлобом, но и не припомню, когда мой приятель добром разбрасывался? За сотню патронов можно неделю в заведении Шваньки Розовощёкой кислую пить с девицами хороводить. С чего вдруг Мишка расщедрился? И с какого перепуга Чумазому доверился? Да уж, странно всё это.

Вот и дождался, дождик заморосил. Вокруг всё серое, мрачное, чёрные тучи цепляются за крыши домов и тянут их в сторону реки. Плохи мои дела, всё говорит в пользу грозы, только её мне и не хватало. За раздумьями время пролетает незаметно и дорога вдвое короче. Впереди, между рыжих домов замаячили стены казармы, за ними сквер. Это одно из самых нехороших мест в Тихом городе. Бывало и такое, даже днём зверьё охотится. Беда тому, кто именно здесь с зубастыми повстречается. Место открытое, спрятаться негде.

Дядька Яков мне как-то рассказывал, когда-то очень давно здесь было красиво. Не знаю откуда Якову это известно, но рассказывать он умеет, приврёт чуток, отсебятины добавит, заслушаешься.

По вымощенным булыжником аллеям гуляли люди, в фонтанах плескались дети, громко играла музыка. По вечерам включали фонари, и от этих фонарей было светло как в ясный, солнечный день. Даже представить сложно, ночью и вдруг светло. Но вот беда, от былого великолепия уцелел разве что булыжник на дорожках, да и то не везде. Заросла округа жесткой травой, непролазными кустами, корявыми деревцами на которых не растут листья, а вот колючек больше чем предостаточно. Зловоние бурой гнили из фонтанов разносится далеко за пределы сквера. Пойдёшь на запах, не промахнёшься выйдешь к фонтанам. И вокруг этой помойки вздуваются корни уродливых растений. А ещё, повсюду торчат фонарные столбы. Опутаны они вьющейся травой и липкой паутиной, под всем этим непотребством, остатки железа доедает ржавчина. Не долго осталось ждать, упадут столбы, рассыплются они, как и дома, те что когда-то стояли вокруг сквера. В земле дыры и трещины заглядывать в которые врагу не посоветую. Зверьё там прячется. Вот такой у нас сквер, с фонтанами и фонарями.

Под ногами осыпается крошево из камня и древесной трухи, желудок выворачивает от стойкого запаха гнили. Дальше, только бегом, и желательно без оглядки. Глубокий вдох и что есть сил до лежачего исполина.

Исполин – это дерево такое, огромное оно, метров сто в длину, три в толщину. Об этом мне Яков поведал. Заверил дядька – сам измерял. Но я думаю и тут чуток приврал. Хотя, мне-то какая разница? Пусть и приврал, недосуг проверять, да и кому придёт в голову этим заниматься?

Вот и добрался, теперь по скобам наверх. Эти скобы Яков в исполина заколотил. Он за ними и присматривает, если нужно чинит и заменяет. Работа у него такая, оружие починять и за исполином приглядывать.

Наверху и воздух свежей и обзор лучше. Огляделся, проверил подошвы ботинок, вроде чистые, грязи не вижу. Подтянул лямки рюкзака, умастил на плече винтовку и ходу. В хороший день можно и дух перевести, посидеть, отдохнуть на свежем воздухе. Небо заметно потемнело, скоро дождь грянет не до отдыха.

Внизу провал, огромная, глубокая яма. Что на дне никто не знает, жёлтый туман не даёт. В тёплую погоду туман лезет наверх, без маски не пройти, горло дерёт и глаза слезятся.

Вниз, лучше не смотреть, разве что только под ноги. Главное не поскользнуться, кора давно стёрлась, древесина гладкая, от влаги скользкая. Дождик накрапывает, всё за то чтобы свалился, но в мои планы это не входит. Главное дышать ровно и спешить медленно.

Осторожно, крадучись, шаг за шагом, иду на ту сторону. Это вояки исполина на землю опрокинули. В те времена их много было, я о вояках. Позади остались их казармы, одни только стены и уцелели, перекрытия и крыша давно рухнули. Ходят слухи, сильны были когда-то вояки. На танках ездили из пушек стреляли. Наверное, из пушки в дерево бабахнули. Топором его не срубить, да и где взять такой топор что опрокинет этакую громадину? По большому счёту, мне всё одно из чего или чем дерево повалили? Главное мост получился хороший, может и не совсем безопасный, но по нему самая короткая дорога к Бочке. В обход далеко, там низины и глубокие ямы с жёлтым туманом.

В этом месте нужно быть особенно осторожным. Нарост, горб или огромная шишка, как не назови всё подходит. Винтовку поправил чтобы не сползала и ползком. Странно выходит, кора вытерлась, древесина растрескалась, а шишка как была пупырчатой, такой и осталась. Ну, хоть бы чуток усохла. Так нет, скорее наоборот, подросла. Сколько дядька Яков её не рубил, как не строгал, растёт она всё больше и больше. От того и бросил он это занятие. Вон и на боку появился ещё одна загогулина. И там, с другой стороны тоже пузырь вылез. Торчит, даже отсюда видно.

Фу-у-ух, вот и перебрался, минуту отдышусь и двинусь дальше. С этого места можно Бочку увидеть. Не всю конечно, из-за деревьев торчит кусок плоской крыши. Поговаривают, в таких бочках когда-то давно керосин хранили. Лично я не верю, откуда столько? Один раз ещё

в детстве, видал целое ведро. Посёлок гудел от счастья. Кто приташил и где взяли не помню. Давно это было. В наши дни, за полбутылки пришибут, даже не задумаются, а тут целая бочка. Если кому интересно моё мнение, Бочка не совсем верное название, может цистерна или ещё как-то? Бочки такими не бывают.

Старожилы рассказывают, по началу, она была вдвое ниже и уже. Нарастили высоту, расширили бока. Вот и подросла Бочка, раздулась.

Внутри постоялый двор в два этажа, приёмная контора, пекарня, баня, и питейная-лавка Гундосого. Это я ещё не назвал котельную, хлев и, да много чего не назвал. Оно и понятно почему, так сразу всё и не припомнить. С керосином явный перебор. Не бывает его столько, выдумки. Да и не пахнет в Бочке керосином, совсем не пахнет.

Недолгая пробежка через лес по извилистой дорожке и вот она громадина, стоит много лет и всё ей не почём. Провалилась Бочка в землю, обросла кольями, тянется к небу, крышей тучи подпирает. У ворот глубокий ров, перед ним колья торчат, опутали их колючей проволокой. За кольями бревенчатый мостик. Обычно, ворота до самой темноты нараспашку, а сегодня закрыты. Странно это, почему?

Дождь усилился, барабанит в спину большими, холодными каплями, стучит по голове. Ветер так и хлещет, подталкивает, торопит. Без слов говорит – уходи, прячься, нельзя под открытым небом стоять, ночь на пятки наступает.

2

– Стой! Кто идёт!?! – Окликнули сверху. – Назовись!!!

– Открывай! Бродяга я! – Ответ получился не особо приветливый, запыхался.

– Тут все бродяги! Ты имя назови! – Ответили с издёвкой.

– Зайтан я!!! Из посёлка мусорщиков. – Пришлось помахать рукой, и нацепить улыбку. Понятное дело, сверху её не видно, но всё же, а вдруг?

– Карлуха! – Проревели зычным басом. Ветер гудит сдувает слова, плохо слышно. – Ступай вниз, погляди, что за птицу к нам занесло?!

– Эй, наверху?! – Признаюсь, такой ответ меня удивил, озадачил. – Вы часом кислой не перебрали?! Открывайте ворота! Нашли время дурачиться!

– А если не откроем?! – Пробасили совсем не приветливо. – Приступом возьмёшь?! – Громкий смех вперемешку с бранью, двух, а то и всех четырёх лужёных глоток. Похоже, каркульные попивают кислую, весело им. А вот мне совсем грустно. Мокро под открытым небом, ветер холодный, пронизывает до костей. Заскрипели несмазанные петли, отварились калитка в крепких, железных воротах.

– Здорово Бродяга. Заходи. – Прохрипели из чёрной дыры. – Оружие не тащи в контору. Оставь у Носатого.

– Что за придурки наверху? – Такого (радушного) приёма, я не встречал в этом месте. Карлуха, он же Коротун, прячется в тени, с его-то ростом это не сложно. На входе не горят лампы, да и менял что первыми встречали гостей тоже нет. Не припомню я такого дня что бы менялы у входа не тёрлись.

– Привет. – Коротун добавил света в масляной лампе, вытер о штаны руку и протянул мне ладошку. Потёртая кожаная куртка висит мешком, старые заплатанные штаны грязно синего цвета волочатся по земле. От такого убранства низкорослый приятель выглядит большим серым пятном.

– Привет. А чего темно? – Пожимая руку спросил я и принялся. Керосином даже и не пахнет, а вот нечистотами из отхожего места и хлева разит как никогда раньше. В прошлый приход, тоже подванивало, но не так сильно.

– Не знаю. – Карлуха пожал плечами. – Ты проходи не стесняйся, я дверь запру.

– Ага, запирай. – Отошёл в сторону, заглянул в темноту коридора и там темень непроглядная. – Колесо крутить некому? Темно как в склепе. Ушастые подошли?

- Нет, не подошли. – Карлуха топчется на месте, потирает ладони. – Живы, крутят.
- Чего темно?
- Ты у Гундосого спроси. Это его забота лампы менять.
- Как Шванька поживает? Всё ли у неё ладно?
- Хорошо поживает. Нам с тобою так не жить. – Карлуха лукаво улыбнулся и взялся запирать калитку. – Гости у неё, не протолкнёшься.
- Что за гости? – За спиной брякнул тяжёлый засов. Где-то в глубине проблеяли, громко завизжали напуганные грохотом животные, но уже через минуту затихли.
- Пришлые к нам заглянули, да так и остались. С виду ничего, спокойные. – Поведал Карлуха и подёргал за мешок. – Платят патронами и консервами. А ты чего нарыл? Есть что интересное?
- Да так, мелочи разные.
- Будет врать-то. – Не поверил Коротун. – Что бы у тебя и мелочи?
- День не задался.
- Бывает. – С участием выдохнул Карлуха и подбодрил. – Ничего, в другой раз повезёт.
- Говоришь, Шванька нынче в наваре?
- Ага. – Низкорослый улыбается, выставил напоказ кривые, жёлтые зубы. – Пару сотен ещё днём девицы заработали. Патроны новые, в бумажных обёртках, жиром измазаны. По тридцать штук в каждой пачке. А ещё, огромную коробку хрустяшек девкам подарили. Хлеб такой, сушёный, в шуршащей обёртке. Вкусный, но вот пахнет не очень.
- А может и не ходить в контору? У Шваньки добро скину? – Встряхнул мешком, послышался тихий звон. – Патроны ей ни к чему, всё одно на барахло сменяет.
- Идея хорошая, но. – Карлуха пожимает плечами и ковыряет пальцем в ухе. – Прознают в канторе, пускать перестанут. Оно тебе нужно?
- И то верно. Та же Шванька и растрезвонит.
- Не знаю, как Шванька, а вот её девицы, языки распустят. Добро сменять не успеешь, как звон пойдёт. – Карлуха подмигнул. – Ступай в контору и бегом к Шваньке. Я договорюсь. Ну, так что? Два патрона, и ты без очереди на чистых простынях с девицей кувыркаешься. Тебе какую, беленькую или чернявую?
- Лучше беленькую, хотя?
- А бери обеих. Гони три патрона.
- Уже три? Наглеешь Карлуха?
- Дык это. – Низкорослый захлопал глазищами, а они у него большие. – Ты что, глухой? Гости у Шваньки, свободных девиц нет. Думай быстрее.
- Сначала в контору.
- Верное решение. Ступай. Только гляди, не засиживайся. Шванькины девки нынче нарасхват. Очередь за ними. – Не теряя надежды заработать патроны предупредил Коротун. – Ладно, беги к Носатому. Ружьишко там оставь. Да и ножичек, тоже выложи. На всякий случай.
- Держи. – Я полез в карман. Два пистолетных патрона легли Коротуну в маленькую, но широкую ладошку. Посмотрел он на патроны и сразу повеселел.
- Уже бегу. Мягкая кровать, чистая постель, пышногрудая девица. Всё устрою, ты меня знаешь.
- Да ты не торопись. Мне бы к Якову. Винтовку нужно подладить, что-то с затвором. Патроны возьми за так, подарок.
- Не возьму. – Карлуха протянул руку. – Забирай, не нужно мне такое.
- Не шипи. – Попросил и похлопал мелкого по плечу. – Патроны старые, отрыл на развалинах. Выбрасывать жалко, а проверять не с руки. Сам знаешь, не под моё ружьишко.
- Ясно. – Карлуха скривил кислую рожицу. – Втюхаю Гашеку-Пружине. Он жадный и подслеповатый. Думаю, полкувшина кислой нальёт.

- Вот и хорошо, беги к Гашеку. А я, заскочу к Якову и сразу в контору.
- Не спеши. – Карлуха спрятал подарок в карман штанов. Почесал нос и зарылся пятернёй в шевелюру, поскрёб и как-то грустно вымолвил. – Нет здесь Якова. Ушёл с Пуздро, да так и не вернулся.
- С Пуздро?
- Ага. Петька Пузатый, со скотного двора. С ним и ушёл Яков.
- Какого рожна, Яков с ним выперся? А главное куда?
- Косматый велел загоны подлатать. – Пояснил Коротун. – Вот и послал Пуздро за жердями. Тут неподалёку. Не знаю, по какой нужде Яков за ним увязался, но ушли они вместе. Я их за ворота провожал. Тыщу раз за жердями ходили и ничего. А тут. – Карлуха развёл руками.
- Не вовремя Яков ушёл. Хотел у него ружьишко подладить. Ну да ладно, в другой раз наведуясь.
- А будет ли он, другой раз-то? – Карлуха опустил голову и тяжело вздохнул. – Может уже и не свидимся с Яковым.
- Шутишь? – Спросил и склонился пониже. Не вышел ростом Карлуха, от того и нужно нагибаться. – Что, кислой перебрал? Несёшь околесицу. С чего это вдруг не свидимся?
- Ага. Перебрал. – Карлуха осмотрелся и заговорил шепотом. – Пуздро, второго дня отыскался в овраге. А вот Яков, как сквозь землю провалился.
- И что Пуздро говорит? Где Яков?
- Не говорит Пуздро. Нечем ему говорить. Башку отрезали и брюхо вспороли. – Коротун поскрёб затылок. – И вот что самое странное, зверьё его не тронуло. Совсем не тронуло. Как лежал с выпущенными кишками, таким и нашли. Голова в кустах, глаза выковыряли, в рот травы напхали. Жуть.
- Карлуха мать-перемать твою!!! – Прогорланили в дыру в потолке. – Ты куда подевался, пукан кривоногий?!!!
- Здесь я!!! – Отозвался Карлуха. – Чего глотку рвёшь?! Приятеля встретил, поболтаю и вернусь!!!
- Приятеля он встретил. Тащи кислую!!!
- Не положено! – Рывкнул Коротун и тут же добавил. – Заткнитесь уроды, занят я!!!
- Кто наверху?
- Пришлые. Я тебе о них говорил. – Выдохнул Карлуха. – Вояки-то от нас свинтили. Дней десять как ушли.
- С какого перепугу? Почему ушли?
- Барахло собрали, только мы их и видели. Наскоро собирались, казаны да миски позабыли. Я их в коморку Носатого отнёс.
- А эти откуда взялись?
- Не знаю. Что не спроси лыбятся, глазами хлопают. Славка Метла, меня приставил за ними приглядывать. Помочь если нужно. Мужики крепкие, но с мозгами набекрень. Тупые как носки моих ботинок. – Карлуха улыбнулся и поглядел на обувь. Ботинки у него сплошная беда. Замш протёрся до дыр, тупые носки глядят вверх. Коротун поскрёб шею и поведал. – Вроде как из Широкого яра, говорок у них тамошний. Сказывают охотники они. А вот я не верю. Одежка у этих. – Карлуха задрал голову посмотрел в потолок. – Военная, оружие совсем новое. У охотников ружья, у этих автоматы. Какие же они охотники? Про нашу жизнь ничегошеньки не знают. Бородарь от болота забрёл, увидали с крыши и давай в него палить. Патронов не жалеют. Стреляли как оглашенные, свалился бородарь замертво, а они всё палят и палят.
- Зачем убили? По какой нужде? Может, у кольев рылся?
- Нигде он не рылся. Я же тебе сказал, вышел от болота. Гулял он.
- Запутал ты меня Карлуха. Если бородарь у кольев не рылся, почему стреляли?

– Так ты у них и спроси. Я не знаю. Как прибили, сильно радовались, а потом за свежий меня послали. Сам знаешь, какая у бородача свежина? Его мясом хорошо крысомордов морить, любая зверюга подохнет. Не охотники они. Брежут.

– А чего Метла сам за ними не приглядывает? Кислую хлещет?

– Вроде того. В услужение к пришлым подался. – Карлуха опустил голову, почесал затылок. – Ты-то как? Давно я тебя не видал. В Тихом промышлял или ещё куда захаживал?

– Крысомордых в низине стрелял, житья от них нет. Совсем обнаглели к забору подбираются, поселковые на огороды выходить боятся.

– Всех пострелял? – С издёвкой спросил Коротун.

– Самок выбил, самцы разбежались.

– Верное решение. Едой платили или патронами?

– Спасибо сказали. Хорошо хоть не выгнали.

– Не густо. – Карлуха криво улыбнулся. – Попрут из посёлка, перебирайся в Бочку. Я тебе комнатку найду. Есть у меня одна на примете.

– Ага, переберусь. – Я кивнул. – А если и у Вас ворота не откроют?

– Откроют, куда они денутся? – Коротун глянул в потолок. Караульные горланят песни. В дыру выпал окурочок, разбился о земляной пол и разбросал искры.

– Весело у вас. – Подвёл итог, растаптываю тлеющие огоньки. Неподалёку копна сена, загорится, полыхнёт вся бочка.

– Ага. – Карлуха потёр ладошки. – Обхохочешься. Эти. – Палец указал в потолок. – Кислую ведрами хлещут. Брагой её называют.

– Брагой?

– Ну да. Может, ты подскажешь, где в наших краях кислую брагой, прозывают?

– Не слышал.

– Вот и я не слышал. – Карлуха поглядел на дыру, отступил, разумно опасаясь ещё одного подарка сверху.

– А кто у них старший?

– Есть тут один. – Коротун сдвинул брови, пожевал губу. – Прозвище у него непонятное. Как не стараюсь, а запомнить не могу. Ни-то ветеран, ни-то вепинар. – Карлуха принялся перечислять варианты, но скоро махнул рукой. – Я его один только раз и видал. Да и то издали. Он у Шваньки поселился. С виду ничего мужик. Да и эти не плохие. С ними строгость нужна. Рывкнешь, сразу притихают.

– В следующий раз так и сделаю. Рывкну, да по громче.

– Хлопну Карлуху по плечу. – Надо бы тебе ботинки обновить. Ты какой размер носишь?

– Размер? – Коротун перевёл взгляд на ботинки, потом на меня. – Не знаю.

– Не жмут? – Вопрос конечно глупый. Как могут жать растоптыши?

– Не-а, не жмут. Я тряпок напихал, теперь в самый раз.

– Понятно.

– Слышь? – Карлуха поманил пальцем. – Если что нужно, ты только скажи.

– Замётано. – Пообещал и пошёл вдоль изгороди, за нею спят животные, побрёл не спеша к винтовой лестнице.

Поднимаясь на второй этаж по скрипучим, чёрным от грязи ступенькам, столкнулся я с бородатым в военной форме. И всё бы ничего, такое бывает в полумраке. Он торопится вниз, я поднимаюсь в контору. Столкнулись лбами, ну и ладно. Здесь не принято извиняться, выяснять кто прав, а кто виновен. Это Бочка, в ней свои законы и свои правила. Разошлись и позабыли что дорогу не поделили. Может не навсегда забыли, на время, до встречи в другом месте. И то, что эта встреча состоится именно здесь и сейчас, бородатый мне пообещал жёстко и громко.

Я даже растерялся, гляжу на него хлопаю глазами. А он кричит, матерится, словами разными бросается, да такими что я и повторить не смогу. Поорал он и резко умолк, поглядел на меня в упор. Пахнуло от чужака кислой и сушёной рыбой. Таращился с минуту, громко хекнул в кулак и похлопал меня по плечу как старого приятеля.

– Выпивка за мой счёт. – Утробно рыкнул бородатый. – Извини, обознался.

– А ты кто? – Выйдя из ступора спросил я.

– Для кого как. – Ответил бородатый, глядит из-под кустистых бровей. – Называй меня Лекарь. Для ваших мест так понятней. А тебя как величают?

– Зайтан.

– Вот и познакомились. – Лекарь протянул руку. – Заходи к Шваньке, скажешь мой гость. Понял?

– Понял. – Не работай я в кузне с малолетства, не выдержать мне такого рукопожатия. Хватка мёртвая не вырвешься.

– Бывай Зайтан. Жду у Шваньки. – Лекарь разгладил усы и неторопливо, в развалку побрёл вниз.

Он ушёл, а я остался на прежнем месте, потираю ладонь, провожаю его взглядом. Изучаю, запоминаю тяжёлую походку, а вот зачем сам не знаю. Мне показалось, заваливается бородатый на одну ногу, прихрамывает. А может и нет, в темноте особо не разглядишь.

Ружьё, как и велел Карлуха оставил в каморке у Носатого. Нож не отдал, спрятал за спину под курткой, я так всегда делаю. Да и ружьишко отдавать не хотел. Раньше, оставлял у Якова, когда для починки, а когда и без неё. Жалуется народ на Носатого, тот ещё разбойник. Забудешь разрядить, считай потерял патроны. Носатым, этого пройдоху в шутку прозвали. Нет у него носа, отрезали. Кто и когда такое с ним сделал, неизвестно. Откуда пришёл в Бочку по сей день тайна. Сам не рассказывает, а проявлять излишнее любопытство здесь не принято, даже опасно.

Оставил ружьишко, отдал один патрон за сохранность и побрёл к выходу. Носатый что-то брякнул вдогонку, но я не расслышал, о своём думал. Как бы по дорожке барахлишко сменить, сытно поесть и в баньку.

– Дружище! – Окликнули сзади. – Здорово Бродяга! – Открыто улыбается Гунька-Одноглазый. Гунька всех любит, все у него в приятелях ходят. Волосы рыжие как огонь, ни с кем не спутаешь даже со спины, а она у него большая и сила в Гуньке немалая. Стреляет мой приятель не хуже охотников, хоть и Одноглазый. Глаза у него все на месте, подслеповат на один, но вот на какой мало кто знает.

– Привет Одноглазый. – Поздоровался и прикрыл ладонью глаз. Я так всегда делаю, Гунька смеётся в ответ и прикрывает другой. Вот и пойми на какой он подслеповат?

– Слыхал? – Гунька пожал мне руку, подмигнул. – Гости у нас. Пришлые вояк сменили.

– Не только слыхал, даже видал. Хворые на всю голову.

– С чего вдруг? – Удивился Одноглазый. – Обидели? – Брови сползли к переносице. – Кто? Пошли покажешь.

– Встретили не весело. – Пояснил я. – Пускать не хотели.

– Да ты не обижайся. – Повеселел Гунька. – Работа у них такая. Вояки дали дёру, среди наших караульных не сыскать. Вот и наняли пришлых. Ты про Пуздро знаешь?

– Знаю.

– И что скажешь?

– А что тут говорить? Был человек, и нет его.

– Это конечно верно. – Согласился Гунька и помрачнел. – А голову-то зачем отрезать? Уверен, одним Пуздро дело не закончится. Разбойники, душегубы в лесу прячутся. Банда,

человек десять не меньше. Охотники вторую неделю как носа к нам кажут. Хабибул жаловался, говорит – если и дальше так пойдёт, коптилку закроет. Мяса осталось на две закладки.

– Разбойники говоришь? – Не поверил я в душегубов. Если они в лесу, почему меня не тронули? Умеет Гунька приврать и нагнать страхов. – Обдирает Хабибула охотников, – пояснил я. – Вот и решили его проучить. Переждут недельку другую и наведаются. Мясо товар скоропортящийся. – Я осмотрелся, пусто вокруг точно все вымерли. В прежние времена не протолкнёшься, вояки, торгаши, попрошайки, пьяницы. А сегодня, двери, что по обе стороны коридора раскрыты нараспашку, нет постояльцев. Тихо, как среди руин. – Ты лучше скажи, куда народ подевался? Почему вояки ушли? Им-то, кого бояться?

– Ты что не в курсе?

– Нет.

– Ближнюю заставу пожги. Вот и свинтили вояки по шуму, ушли к своим на подмогу.

– И что, подмогли?

– Не знаю. Может и подмогли?

– А кто напал?

– Мне-то откуда знать? Вернутся, расскажут. – Гунька потянул меня за рюкзак. – Слышь, Бродяга, у тебя побрякушек нет?

– Чего? – Впервые слышу, что бы в Бочке интересовались разным хламом.

– Тут это. – Гунька замаялся. – Нужно мне.

– Не томи.

– Пришлые за побрякушки патроны горстями отсыпают. За цацки, можно новый автомат выменять. У Шваньки и её девок все колечки да серьги сменяли. Вот я и подумал, может у тебя заваялось?

– Нет у меня побрякушек. Не интересуюсь. Тебе к пришибленным нужно. У них этого добра выше крыши.

– Это я и без тебя знаю. – Тяжело выдохнул Гунька. – Да где их нынче сыщешь? Они-то и раньше к нам редко захаживали. А если про Пуздро прознали, так и вовсе дорогу позабудут.

– Это точно. Забудут. И не только они.

– Ты в контору?

– Угу.

– Как сменяешь барахлишко, приходи в питейную. Дело есть.

– Дело?

– Ага. – Гунька осмотрелся, опасаясь чужих ушей. Нет вокруг ни одной живой души, пусто. Странно ведёт себя Гунька. Отошёл, заглянул за незапертую дверь прикрыл её плотно. Вернулся, шепчет мне на ухо. – Ничего не спрашивай, потом расскажу. Сядем за стол, выпьем по кружке кислой. Там и поговорим. Дельце прибыльное. согласишься, не пожалеешь.

– Ладно, приду. – Пообещал и мы расстались. Гунька ушёл в одну сторону, я в другую.

В конторе пробыл не долго. Сменял на патроны и кредитную марку в питейную Гундосого – два подсвечника, четыре фарфоровые чашки и резную шкатулку. Торга совсем не было, заплатили столько, сколько запросил. Один я искатель на трёх приёмщиков. Конкуренция у них. Увидали запарник с цветастыми рисунками и пару маленьких чашечек, за руки хватать начали. Был соблазн обменять, но я удержался. Пообещали за них новую куртку и хороший кожаный ремень для винтовки. Не отдал. Отнесу Шваньке в уплату за комнатуху и свежие простыни. В чистоте, да ещё с девицей куда приятней чем у Гундосого на постоялом дворе с клопами и мухами лежак делить.

Шваньке Розовощёкой такие штучки нравятся. Сменяю, ещё и поторгуюсь, может, патронами разживусь? Карлуха сказал – она нынче в наваре. Вещицы что я отрыл знатные, не каж-

дый день такое найдёшь, редкая удача, подфартило. К Шваньке схожу чуть погодя, сначала в питейную-лавку, живот с голоду к спине прирос. Для Гундосого тоже кое-что имеется. Откопал среди развалин две целёхонькие бутылки из стекла. Одна жёлтая, плоская с выпуклыми надписями, вторая синяя почти круглая. Гундосый в такую посуду лучшее пойло наливает, и ставит на полку. Цена на кислую вырастает втрое, когда и в четверо.

А вот и лестница что ведёт в лавку, и здесь никого. Куда все подевались?

– Бродяга! – Не успел я переступить порог, как позвал Гунька. – Ты где ходишь?! Иди к нам!

В питейной уж как-то тихо для этой поры. Заняты два стола из дюжины. Пенчук и его семейство, они ближе к двери ужинают. У Пенчука большая семья, пятеро мальцов погодок, жена Тлинька и её брат Шурка-Косой. Кивнул я им, поприветствовал семейство. В ответ тоже закивали, мальцы помахали ручонками.

– Топчи к нам!!! – Зовёт Гунька. – Заждались!

Гунька в окружении троих мужиков в военной форме. У каждого по кувшину с кислой. На доске, порезанный ломтями шмат мяса, две не тронутые мучные лепёшки. Большой кухонный нож торчит в столе, перед Гунькой бочонок зелёной пасты. Я эту пасту на дух не переношу. Воняет она болотом и горькая, язык жжёт. В эту дрянь мясо макают. Меня от неё воротит, а вот здешним нравится. Мясо без неё не едят.

– Присаживайся. – Указывая взглядом на лавку заговорил суровый дядька. На вид лет сорок с хвостиком. Гладко выбрит, волосы короткие с проседью. Взгляд колючий. – Ты и есть тот самый, Бродяга? – Спросил он, придирчиво осматривая меня с ног до головы. Глядит с прищуром точно на рынке к товару приценивается. Не люблю я, когда на меня так смотрят.

– Тут все бродяги. – Ответил словами охранника.

– Молодца. – Выпалил лысый с усиками, сидит рядом с суровым дядькой, зубы скалит. – А ты за словом в карман не лезешь. Уважаю.

– Это Тыква. А этот. – Гунька указал на лысого и пополз взглядом чуть в сторону от Тыквы. – Вон того, Ракло кличут. – Ракло клюёт носом, засыпает. Гунька махнул на него рукой и объявил, указывая пальцем на сурового мужика. – Знакомься – это Михалыч. У него к нам дело.

– О делах позже. Пей, кушай чем Бог послал. – Михалыч придвинул кувшин, забрал его у Ракло. Поставил напротив меня и пояснил. – Ему достаточно. – Взгляд резанул по Ракло, переполз на меня. – Устал наш товарищ. Выпил всего ничего, разморило.

– Спасибо. – Не принято в Бочке воротить нос от дармовой выпивки. Но и злоупотреблять не годится. – Следующий круг за мной. – Громко объявил я. – Угощаю.

– А вот это по-нашему. – С трудом выговаривая слова, ожил Ракло и поднял голову. – А ты кто такой? – Строгий вопрос, затуманенный взгляд зацепился на мне. – Покажи документы. Ополченец?

– Закрой пасть. – Рыкнул Михалыч и отвесил Ракло увесистый подзатыльник. Тот клюнул носом и умолк. – Не обращай внимания. – Михалыч поднялся, опираясь кулаками на стол и вымученно улыбнулся. – Придурковатый он. В детстве башкой часто ударялся.

– Бывает. – Я кивнул. Молчать негоже, да и сказать особо-то нечего. Вот так Гунька, вот так удружил компанию. Может уйти? Найти причину и свалить по-тихому?

– Да ты не робей. – Михалыч обошёл стол присел рядом. – Угощайся, мясо бери. А вон ту дрянь. – Палец ткнул в бочонок с горькой пастой, тот качнулся из стороны в сторону, но не свалился, устоял. – Не советую. Гадость редкая.

– Это точно. Гадость. – Сложно не согласиться. Выходит, не один я так считаю.

– Твой дружок. – Михалыч кивнул на Гуньку. – Присоветовал тебя в проводники. Есть желание прогуляться на болото. Знаешь дорогу?

– Знаю. – Отпираться нет смысла, да и Гунька уже растрезвонил. – Гадкое место для прогулок. Сам не пойду и тебе не советую.

– Почему? – Михалыч хлопает глазами, не ожидал он такого ответа. – Отведи, заплатим. Без обмана.

– Жизнь дороже.

– Тут ты прав. – Как-то обречённо выдохнул Михалыч и приложился к кувшину, хлебнул кислой, вытер рукавом рот. – Да ты пей, кушай. Дело-то у нас неспешное. Подождёт. Не поведёшь ты, найдём другого.

– Другого не сыщешь. – Самодовольно улыбаясь выпалил Гунька и хлебнул кислой. – Нет здесь других провожатых.

– Да ладно. – Не поверил Михалыч. Колючий взгляд царапает по Гуньке. – Так уж и нет? Один стало быть такой?

– Ага. – Гунька сунул в рот кусок мяса и заговорил полным ртом. – Один. В Бочке народ оседлый. Если кто и знал дорогу на болото, давно позабыл её.

– Если твой приятель не поведёт, тогда кто?

– Не знаю. – Гунька допил кислую, отставил кувшин на край стола. – Искатели на болота не ходят, в Тихом дел хватает. Охотники к топям да омутам не ногой ни рылом, болотников боятся. Разве что травники, эти везде шастают. Только они у нас редкие гости. Уже и не припомню, когда последний раз захаживали.

– А чего так? – Михалыч окинул взглядом серые стол, поглядел на чёрные пятна разводов под доской с мясом, ковырнул ногтём. С прищуром оглядел семейство Пенчука, тяжело вздохнул и закурил. Выдохнул тяжёлое облако табачного дыма и толкнул локтем Тыкву. – Тащи лиценца в расположение. – Прошипел Михалыч. – Как проспится, без опохмелки ко мне. Всё понял?

– Ага. – Тыква кивнул. – Я быстро.

– Не нужно быстро. – Прошипел Михалыч, глянул на Ракло и заскрипел зубами. – Забирай это чмо и не возвращайся. Проверь посты да гляди у меня. – Мясистый кулак показал серьёзность намерений. – Унюхаю, рожу раскрою.

– Ага. Прослежу, лично. – Заверил Тыква, подхватил Ракло под руки и потащил к выходу.

– Совсем пить не умеют. Сволочи. – Пожаловался Михалыч и раздавил в тарелке окурок. – Распоясались уроды, страх потеряли.

– А кто умеет? – Гунька поднял руку на зов прибежал Гундосый.

– Чего изволите? – Услужливо спросил хозяин, обращаясь к Михалычу. Улыбка до ушей, не помню я его таким улыбчивым. На толстой заплывшей роже не видно глазёнок, две часто моргающие точки. Взгляд преданный как у должника что получил отсрочку, того глядишь руки целовать начнёт.

– Ещё кислой. – Объявил Гунька. – Бродяга платит.

– Отставить. – Рывкнул Михалыч и полез в карман. – Я угощаю. – С десяток патронов легли на стол. Следом упала пачка сигарет темно-синего цвета, буквы мне незнакомые, не нашему написано. Михалыч отодвинул сигареты, взглянул на Гундосого с недобрым прищуром и попросил. – Будь любезен, мясо разогрей.

– Как прикажете. – Гундосый с ловкостью картёжного шулера смахнул патроны в карман грязного фартука и тут же удалился, прихватил пустой кувшин и холодное мясо.

– Послушай Бродяга. – В пол голоса заговорил Михалыч. Нет колючего взгляда, а вот грусть и печаль появились. Осунулся он, помрачнел. – Помоги, в долгу не останусь. Отведи на болото.

– Места там гиблые. – Хлебнул кислой, гляжу на Михалыча. Как-то резко он поник. От былой бравады пропал и след, взгляд затуманился как у пьяного.

– Ты только скажи, что нужно? Всё отдам. – Пообещал Михалыч. – Вытащи нас отсюда.

– Нас? – Такая новость удивила, но я не подал вида, попиваю из кувшина. Кислая высшего качества, совсем не горчит, пахнет травами. С чего вдруг Гундосый так старается? С какого перепугу ставит на стол своё лучшее пойло? Наверняка что-то задумал шельмец.

– По рукам? – Крепкая ладонь потянулась в мою сторону.

– Извини. Не пойду на болото, и ты не ходи. Гадкие там места, смрад, топи, омуты. – Без нажима, но строго пояснил

я. – На болоте и одному опасно, а толпой так и подавно, верная смерть.

– Да какая толпа? Трое нас.

– Четверо. – Вставил Гунька. – Я тоже пойду. Надоело в Бочке штаны протирать.

– Вот и уговори своего дружка. За мной не заржавеет. – Михалыч глядит на Гуньку с большой надеждой. Вернулся колючий, строгий взгляд. – Я тебе автомат подгоню. Новенький, ещё в смазке.

– Автомат? – Гунька как жевал, так и замер с открытым ртом.

– Робу армейскую, три пачки патронов. – Перечисляет Михалыч, загибает пальцы на руке. – Хавчик, выпивка в дороге всё за мой счёт. Выгорит дельце, получишь берцаки и разгрузку. Ничего не пожалею. Дело то плёвое. Уговори товарища.

– Плёвое говоришь? – Я улыбнулся. Прав Коротун, не здешние они. Не знают наши края, совсем не знают.

– Вот, всё как Вы и велели. – Уж как-то скоро вернулся Гундосый. Стоит возле Михалыча, улыбка до ушей. Лебезит гад, угодить старается. – Мясо с пылу с жару. – Распинается Гундосый. – Кислую, Тимка принесёт. Специально для Вас, новую бочку откупорил. Для хороших людей ничего не жалко. Всё самое лучшее, пейте, кушайте на здоровье.

– Ступай. – Тихо бросил Михалыч. Но Гундосый не торопится, смахивает полотенцем со стола крошки, вытирает капли кислой, показывает своё внимание и усердие. Михалычу это сильно не нравилось, потёр он ладони, пожевал губу и рывкнул. – Проваливай! Уши развесил. Любопытный?

– Совсем нет. – В одно мгновение Гундосый поменялся в лице. Пропала подхалимская улыбка, на лбу и щеках проступил пот. – Ухожу, меня уже нет. Понадоблюсь, только скажите.

– Плохо слышишь? – Процедил сквозь зубы Михалыч и стукнул кулаком по столу. – Пошёл вон!

– Не извольте волноваться. Исчезаю. – Хозяин лавки нервно сглотнул и заспешил с глаз долой.

Михалыч, проводил его суровым взглядом до самых дверей кухни. Зыркнул на нас с Гунькой, открыл рот, хотел что-то сказать. Послышался скрип дверных петель и Михалыч резко повернулся. Семейство Печуков спешит уйти из питейной лавки. Первыми вышли детишки, последним хозяин семейства. Дверь затворилась, и мы провалились в неприличную для этого места тишину.

На большой разделочной доске едва помещается кусок ароматного мяса с прожаренной до черноты корочкой. Жир растёкся по столу, блестит в свете масляных ламп, к потолку поднимается ароматный парок. Я отрезал кусок пожирней и вцепился в него зубами. Хорошее мясо, мягкое, во рту тает.

Не успел доесть как послышались шаркающие шаги. В нашу сторону идёт мальчонка лет десяти в грязном фартуке. Громко пыхтит, прижимает к себе три кувшина кислой. Гунька вышел ему на встречу, забрал большую часть, один кувшин пацан не отдал. Подошёл к Михалычу поставил перед ним.

– Вот. – Мальчонка вытер о фартук руки и улыбнулся на все тридцать два зуба. Русые волосы до плеч, нос вздёрнут, зелёные глазёнки глядят с надеждой. – Принёс, всё как Вы и велели. Сам наливал.

– Держи. – Михалыч сунул пацану два пистолетных патрона. Тот подпрыгнул от счастья, и убежал.

– Хороший малец. – Похвалил Гунька наблюдая как курносый хлопочет у стола Пинчуков, складывает в корзину грязные тарелки. – Второй год Тимка в услужении. Надо бы ему другое местечко подыскать. Пропадёт у Гундосого.

– В чём проблема Бродяга? – Не слушая Гуньку спросил Михалыч. – Почему артачишься? Может тебе патроны не нужны? Дам консервы, одежду. Ты только скажи.

– Кто же от патронов откажется? – Я улыбнулся, Михалыч сразу повеселел. Закурил, приложился к кувшину.

– Стало-быть договорились? Патронов отвалю гору, можешь не сомневаться. Посидите здесь, принесу задаток. Тебе какие? Автоматные, винтовочные?

– погоди. – Остановил я. – Зачем тебе болото? Куда именно нужно?

– Куда? – Михалыч призадумался. Пока он думал мы с Гринькой и поели и выпил.

– Там холмы. Гора и дерево. – Как-то несмело поведал Михалыч. – Бурьян выше головы, кусты. Много кустов, колючки, шипы.

– И это всё? – В один голос спросили мы.

– Всё. – Михалыч кивнул. – Ночью вышли. Темень непроглядная.

– Откуда вышли. – Спросил Гринька попивая кислую.

– Чёрт его знает? – Закуривая выпалил Михалыч. – Я же сказал, ночью дело было, дождик накрапывал.

– Чего ты нам головы морочишь? – Гунька отрезал шмат мяса, вымазал его пастой и сунул в рот.

– Не понял. – Брови Михалыча поползли к переносице, взгляд прожигает, буравит Гуньку.

– А чего тебе не понятно? – Полным ртом спросил Гунька. – Кусты, бурьян. Да у нас куда не пойдешь везде этого добра навалом. Кто привёл, с тем и ступай. Слышал бродяга? Решил проводника поменять. А нам что потом делать? Пришибут за такие дела.

– Какого проводника? – Михалыч глядит на Гуньку, тот на него.

– Во даёт? – Гунька полез в карман, достал спички, положил перед собой кухонный нож. – Сам же сказал – Чёрт знает. – Нож срезал конец спички. – Вот и спроси у Чёрта, он-то точно не ошибётся. Выведет куда нужно. – Гринька допил кислую и принялся заострённым концом спички ковырять в зубах.

– Мужики, вы чего? – Хлебнул Михалыч кислой, отставил кувшин. – Решили подураться? Я Вам не пацан, могу и.

– Что ты можешь? – Гунька взялся за нож. – В Бочке так дела не решают. С кем пришёл, с тем и ступай в обратный путь.

– Ты идиот? – Очень спокойно спросил Михалыч поигрывая пистолетом.

– Откуда оружие? В Бочке так дела не ведут. – Пояснил я попивая кислую. Одной рукой держу кружку, другой, осторожно достаю свой нож. – За воротами стреляй сколько угодно, но что бы в питейной? Неправильно это.

– Времена нынче другие. – Михалыч глядит на Гуньку, взгляд не то что бы злой, скорее суровый с насмешкой. – Не дури парень. Положи тесак. Клади медленно.

– Зачем ты так? Мы к тебе с чистым сердцем с открытой душой. – Сказал и приставил нож к горлу Михалыча. – Не нужно портить вечер. Убери ствол. Спасибо за угощение. Захочешь поквитаться, назначь время. Выйдем на свежий воздух, там и поговорим.

– Ну и гад же ты. – В лицо Михалычу прошипел Гунька. – На болото тебе нужно? А на погост не желаешь? – Гунька взял пистолет и забросил в дальний угол к отхожему месту. – Пошли Бродяга. Я думал приличный человек, а он. – Гринька зыркнул на Михалыча и плюнул себе под ноги. – Прости Бродяга, впутал тебя. Да если бы я знал?

– Не спеши с выводами. – Потянулся Михалыч за Гунькиными спичками, от них и прикурил. Пустил к потолку струйку дыма и говорит. – Присядьте мужики, выпьем, языки почешем. Как-то нехорошо получилось. А давайте мирно, спокойно поговорим.

– О чём с тобой разговаривать? – Гунька забрал коробок. – Перехотелось мне. Сам пей.

– Бродяга? – Позвал Михалыч, смотрит из-под бровей. – Горячий у тебя дружок. Заводится с пол оборота. Как бы беда не приключилась.

– Угрожаешь? – Спросил Гунька и потёр кулаки. – А давай, я не против.

– Погоди. – Придержал Гуньку, вышел вперёд. – Зачем людей обижаешь? Не сложился разговор. Не смогли договориться, такое тоже бывает. Затаил обиду, назначь время. Я прятаться не приучен. Да и мой приятель не из пугливых. Выйдем за ворота там и расскажешь, чем недоволен? Здесь не нужно, не по правилам.

– Я Вас услышал. Послушайте и Вы меня. – Михалыч поднял руку, на зов прибежал хозяин питейной.

– Чего изволите? – Услужливо спросил Гундосый.

– Собери со стола. Брагу носи, мяса самого лучшего. Без жира и костей. – Михалыч полез в карман и выгреб большую пригоршню pistolетные патроны. – Сядем вон там. – Палец указал на дальний столик в тёмном углу. Патроны посыпались на стол, разлетелись во все стороны. – Отыщи pistolет. – Обращаясь к Гундосому приказал Михалыч поглядывая в мою сторону. – Бродяга! Лови! – Pistolетный магазин упал мне под ноги. – Ствол не заряжен, знаю я ваши правила.

– Всё сделаю в лучшем виде. – Пообещал Гундосый спешно собирая патроны. – Мясо уже жарится. Может ещё чего желаете? Музыка, девочек?

– Пошёл вон! – Рывкнул Михалыч и Гундосого как ветром сдуло.

– С башкой рассорился? – Спросил Гунька и поднял магазин, повертел в руке и бросил Михалычу. – В Бочке такие номера не проходят. Заряжен не заряжен, сначала в рожу, а потом за ворота. Гуляй, дорога в Бочку навсегда закрыта.

– Извини, погорячился. – Через плечо бросил Михалыч направляясь к дальнему столу. – Пошли мужики, мирится будем.

– Мирится так мирится. – Выдохнул Гунька и потёр руки. – Айда Бродяга.

– Ты куда? – Ухватил приятеля за локоть, подтянул к себе. – Не ходи. Мутный он.

– С нас не убудет. – Отмахнулся Гунька. – Посидим чуток, выпьем на дармовщину. Не дрейфь, уйти всегда успеем. Может чего интересного и расскажет? Ты видал сколько у него патронов? Угостит не обеднеет.

– Как бы боком нам его угощение не вылезло?

– Каким боком? – Хохотнул Гринька. – Нормальный мужик. Подумаешь взбрыкнул чуток. Мы тоже хороши. Нет что бы выслушать, сразу за ножи. А ты молодец, не растерялся. Пошли хлебнём кислой, нервишки подлечим. Струхнул я малость.

– По кувшину не больше. – Согласился я. – Пошли.

Выпили за дружбу, потом за знакомство и снова за дружбу. Михалыч рассказал историю на его взгляд смешную, сам и посмеялся. Гунька посетовал на нелёгкую жизнь в Бочке. Рассказал про Пуздро и разбойников что прячутся в лесу. Я набивал живот, кивал головой и слушал. Слово за слово, Михалыч вернулся к прерванному разговору.

– Ты извини Бродяга, но я тебя не понимаю. – Пыхтя мне в лицо табачным дымом поведал Михалыч. – Хоть убей не понимаю. Патроны тебе нужны это факт. Дорогу через болото тоже знаешь. Почему идти не хочешь?

– Хочет он, но не может. – Вмешался Гунька. – За чужой харч кишки выпустят.

– В смысле чужой? – Михалыч бросил на пол окурков, раздавил носком ботинка.

– Ты же сам сказал – есть провожатый. – Пояснил Гринька. – Даже имя назвал.

– Когда? – Михалыч выпучил глаза. – Не было такого.

– Как это не было? Было-было. Чего мочишь, скажи ему Бродяга. – Гунька хлебнул кислой, закусил мясом.

– Да. Говорил. – Подтвердил я.

– И какое имя назвал? – Покусывая губу спросил Михалыч.

– Ты сказал. – Громко чавкая Гунька поглядел в потолок. – Ты сказал – Чёрт знает дорогу.

– Кто? – Михалыч растянул губы в доброй улыбке и потянулся к ножу.

– Ты чего? – Гунька отодвинул нож, спрятал за мясом. – Опять?

– Это не то что ты подумал. – Михалыч поднял руки и прокричал в сторону кухни. – Тащи брагу бездельник!

– Зачем? – Гунька осмотрел стол. Два огромных куса мяса, клубни белой в глиняной тарелке, банка пасты, тёртый сыр в деревянной посудине, три налитых до краёв кувшина кислой. И это, не считая тех с которых мы пьём.

– Водки много не бывает. – Поведал Михалыч не удосужившись объяснить, что оно такое – водка. – Мужики. – Позвал Михалыч и встал. – А давайте выпьем за нас?

– А давай. – Тут же согласился Гунька, и мы выпили.

Гундосый принёс ещё кислой, мясо остыло подали горячий супчик. Болтали о жизни, про охотников, о жадности Хабибулы. Вспомнили Шваньку и её девиц. Говорили душевно, с пониманием. Вечер удался если бы Михалыч не заговорил о болоте.

– Вот что я тебе скажу Бродяга. – Михалыч отодвинул кувшин что бы лучше меня видеть. – Как не крути, а на болото пойти нужно.

– Пошли. – Без уговоров согласился захмелевший Гунька. – Да я с тобою хоть куда.

– Спасибо. – Поблагодарил Михалыч. – Но. – Михалыч закурил. – Извини друг, с тобою не пойду.

– Это почему же? – Гунька насупился.

– Дороги не знаешь.

– Согласен. – Гунька кивнул. – А кто знает?

– Он. – Палец указал в мою сторону. – Уговори Бродягу, озолочу.

– Тьфу на тебя. – Ответил Гринька. – Зачем мне золото? Ты патронов дай.

– Дам.

– Бродяга. – Позвал Гунька. – А пошли на болото. Он нам патронов даст.

– Сходить конечно можно. – Кислая ударила в голову, я осмелел. – Хорошо бы ещё знать куда? Болото большое.

– Куда тебе нужно? – Гунька потянулся через стол, стукнул своим кувшином о кувшин Михалыча.

– Там дерево. Бурьян во. – Михалыч поднял руки.

– Что здесь, что там, везде деревья. – Сообщил я. – И бурьян во. – Пришлось повторить всё как делал Михалыч. – Ты скажи, какая там трава, камни? Может что-то особенное заметил?

– Ничего я не заметил. Темно было.

– Это плохо. – Заметил Гунька. – Болото ого-го-го, большое оно.

– Мы из пещеры вышли. – Чуть ли не прокричал Михалыч, прикрыл рукой рот точно испугался, огляделся и прошептал. – Камни там, здоровенные. Огромная глыба над головой.

– Глыба? – Переспросил я.

– Ну да. – Михалыч кивнул. – Когда вышли, она сбоку стояла. Камень большой, гладкий. Может мне и показалось. – Михалыч погасил в тарелке окурок, хлебнул из кувшина. – Памятник это. Голова чья-то.

– Пещера. Голава. – Выдохнул я. – Не скажу точно, но таких голов я знаю три. И все они возле пещер. Идолами у нас их зовут.

– Молодец. – Обрадовался Михалыч. – Я в тебе не сомневался. Ну, так что, отведаешь?

– А как же Чёрт? – Напомнил Гунька. – Растрезвонит, пришибут нас. Поговорил бы ты с ним. Откажется к нам приходи.

– Нет никакого чёрта. Был и весь вышел.

– Помер? – Спросил Гунька и поднял кувшин. – Спасибо Чёрту, вовремя помер.

– Ты чего? – Пришлось ткнуть Гуньку кулаком в бок. – Нельзя так о покойниках. Давно помер?

– Давно. – Прикрывая ладонью насмешку ответил Михалыч. – Где могила не знаю, на похоронах не был.

– Что за имя такое? – Макая в пасту мясо осторожно спросил Гунька. – Откуда он родом.

– Оттуда. – Михалыч указал пальцем в потолок и расхохотался. Поначалу я не понял почему он ржёт, но потом глянул на Гуньку и тоже рассмеялся. Любит Гунька пасту, мажет ею мясо без меры. Вот и измарал нос, щеку, ещё и на лбу вымазался.

Посмеялись мы от души, Гунька тоже хохочет, глядит на нас. Когда отсмеялись, выпили кислой.

– А скажи мне Михалыч. – Заговорил Гунька и полез мясом в пасту. Гляжу на него и жду, когда снова морду измарает. Захмелел Гунька, сильно захмелел. – Доберёмся мы в нужное место, а что потом? – Большой шмат мяса отправился в рот. Гунька глянул на меня и растянул губы в улыбке. – Что смотришь? Видал? – Приятель показал кусок тряпки и вытерся ею. – На болоте жизнь гадкая, а дорога дальняя. Надо бы хорошенько подготовиться.

– Не таракти. – Перебил я Гуньку. – Три идола, три пещеры. Сразу не найдём, поплутать придётся. Путь не близкий, опасный.

– А где сейчас не опасно? – Вымолвил Михалыч и помрачнел. – Устал я бояться. Надоело бегать.

– Не бегай. – Посоветовал Гунька попивает кислую. – Оставайся в Бочке. А нет, так Бродяга отведёт к мусорщикам. Там поселишься. Вдов нынче много, хороший мужик завсегда в спросе.

– К каким ещё мусорщикам?

– Ты вообще откуда? – Поглядывая с прищуром спросил Гунька. – По всему видать с дальних краёв занесла не лёгкая. Ничего-то ты не знаешь.

– Да уж. – Тяжело выдохнул Михалыч. – Из далека, дальше не куда.

– И откуда? – Не унимается Гунька. – Куришь одну за другой.

– И что? – Михалыч достал сигарету, повертел в пальцах и сунул обратно в пачку. – Ваши мужики разве не курят?

– Наши не курят. – Гунька улыбнулся и приложился к кувшину.

– Вояки курили. – Пояснил я. – Торговцы и менялы покуривают, но редко. А вот нам, нельзя курить.

– Вера не позволяет? – Спросил Михалыч и закурил.

– Какая Вера? – Вопрос озадачил. Почему именно Вера, а не Тинька или Любаня? И с какого перепуга они должны разрешать или запрещать? – Зверьё табачный дым за версту учует. И не только зверьё. Разбойников много.

– Зверьё говоришь? – Михалыч оскалился. – Людей нужно бояться. Люди хуже зверей.

– Не скажи. – Гунька взялся за нож, принялся резать мясо. – От человека можно убежать, на худой конец прибить, а от зверя нет спасения. Если унюхает, считай покойник.

– От зверя тоже можно убежать. – Вставил я. – Не всегда и не от каждого, но можно.

– Утешил. – Не весело объявил Михалыч. – Ну так что, прогуляемся к идолу?

– Нет. – Отрезал я. – Вторая жизнь у тебя припасена? На болотах, дорога в одну сторону. Обратный путь вдвое дольше.

– Не собираюсь я возвращаться. – Поведал Михалыч и принялся озираться, точно испугался своих же слов. Осмотрелся и прошептал. – Отведёшь?

- Нет.
- Назови цену. – Михалыч уставился на меня как на добычу. Но всё это напускное. Боится Михалыч, от того и взгляд такой. Загнали его в угол, сам стал добычей.
- Ты, наверное, не понял? – Выждав с минуту ответил я. – Сказал не пойду, значит, не пойду.
- Бродяга, ты чего? – Гунька обошёл стол присел рядом. – Когда ещё столько отвалят? Ломи цену и пошли. Сам видишь, людям очень нужно.
- Придурок ты Гунька. Болото – это не парк, даже не Тихий. Там, куда не ступи, смерть. Одному куда не шло, а вот толпой.
- Вдвоём пойдём. Ты и я. – Михалыч придвинулся. – Одного поведёшь?
- Смерти ищешь?
- Отнюдь. Бегу от неё.
- Вот и оставайся в Бочке. Здесь тебя никто не тронет. – Присоветовал Гунька. – К нам за этим и приходят. Зверь сюда не сунется, а разбойники и душегубы в Бочке не озорничают.
- Дай слово. – Хмурится Михалыч. – Пообещай отвести, расскажу всю правду.
- Какую правду? Зачем она мне? – Не нравился мне этот разговор с самого начала, а теперь и подавно. Знает этот суровый дядька что-то такое, от чего на сердце стало не спокойно.
- Не уйдём на днях. – Озираясь по сторонам, поведал Михалыч. – Пропадём. Все сгинем.
- Ты же говорил, дело неспешное. – Напомнил я. – Сам же сказал. Подождёт.
- Может и подождёт, но не долго.
- Что-то я не пойму. – Гунька сунул в пасту кусок мяса, обмазал его и забросил в рот. – Ты мил человек говоришь загадками. – Смачно чавкая, заключил мой приятель и отрезал ещё кусок. – Мы люди простые. Да и место такое, что не нужно ходить вокруг да около. Ты либо говори, либо забудь. Мы тут всякого навидались. И душегубы приходили, и ворьё разное. Всем места хватало. Живём мы мирно. А вот за воротами, там другая жизнь.
- Подумайте хорошенько. Согласитесь, дам армейскую робу. По автомату и по цинку патронов. Консервы и всё что нужно в дорогу, за мой счёт. – Михалыч поднялся. – Ешьте, пейте ребятки, будет мало, просите ещё. Подадут в лучшем виде. О нашем разговоре никому. Если сболтнёте. – Михалыч хищно улыбнулся, взял со стола нож и засадил его в мясо, доска треснула, раскололась надвое, нож воткнулся в стол.
- Серьёзный мужик. – Заметил Гунька, провожая Михалыча взглядом. Тот в развалку, не торопясь пошёл к двери. Со спины, он мне напомнил Лекаря, того бородатого мужика на лестнице. Но вот чем, не знаю? Наверное, и первый и второй считают себя хозяевами жизни, идут без оглядки, уверенно, нагло. Да и выправка у обоих не такая как у здешних. Мы сутулимся, а эти плечи расправляют, грудь колесом. Дверь за Михалычем жалобно скрипнула и затворилась. Гунька покрутил носом, вздохнул и подытожил. – Лапища у него что у топтыря болотного. Разок припечатает, мало не покажется.
- Угу. – Согласился я, попивая кислюю.
- Засадил, так засадил. – Гунька взялся за нож. Вытащить из досок получилось не сразу. – Да уж. – Выдохнул приятель, рассматривая лопнувшую доску. – Это какую силушку нужно иметь?
- Что-то здесь не так.
- Ага. – Согласился Гунька и показал кусок доски. – По волокну расколол.
- Пойду спать.
- Да ты чего? – Гунька вскочил. – Стол ломится, а ты уходишь? Давай ещё посидим.
- Что-то перехотелось, выспаться нужно. Уйду до рассвета. – Повертел в руках пачку сигарет, забытую или нарочно оставленную Михалычем. Когда заезжий народ гуляет, в питей-

ной дым столбом. Табак в мешочках, готовые самокрутки тоже обменять можно, этого добра сколько хочешь. Но что бы на обмен предлагали вот такие коробочки, такого я не припомню.

– Куда торопишься? – Гунька потянул за рукав. – Не спеши Бродяга. Отдохни денёк другой, устрой себе праздник. Одичал ты в Тихом, разучился хорошевать. Я за девчонками сбегая. Любаню с Томкой позову. Они конечно не такие умелые и ухоженные как девицы у Шваньки Розовощёкой, но тоже хороши. Девки в самом соку, всё при них.

– Устал я. В баньку хочу.

– И то верно. – Гунька потёр ладони. – Скажу Гундосому, пусть соберёт со стола и в баньку притащит. Я за девками. Попаримся и похорошеваем. А ты молодец, с баней хорошо придумал. Ну так что, погуляем на дармовщину?

– Уговорил. – Трудно отказать Гуньке. Соблазн уж больно велик. Кислая в голову шибанула, женского тепла, ласки захотелось. – Ладно. Беги за девками.

Банька удалась на славу, да и вечер не подкачал, растянулся в грандиозную пьянку до рассвета. Гуляли весело и громко. На еду и выпивку потратил все вырученные в конторе патроны, и даже те, что были припрятаны на чёрный день. Стало быть, этот день настал. Послеобеденное пробуждение в компании пышногрудых девиц принесло головную боль и кучу проблем.

Банщик, Воха Обух спокойный и очень вежливый мужик. Чужого не возьмёт, но и под шумок может отсебятины втюхать. Дармовщина, обещанная Михалычем закончилась в лавке Гундосого. В бане свой хозяин, свои цены и правила.

Жена банщика Минька Конопатая большая мастерица закуски подносить. Тащит всё чего гости пожелают. И где она только находит угощения посреди ночи? Свежину, вяленое мясо, соленья разные. Сами знаете, как оно бывает под кислую да в хорошей компании о цене не думаешь. А тут ещё девицы постоянно чего-то хотят. То сладкого им подавай, то солёного. И как тут откажешь? Отдашь последнее, вот и отдал.

Но что-то мне подсказывает, эти красотки с Минькой в сговоре. Уж как-то быстро и ловко мои карманы опустели.

И не просто опустели, задолжал я банщику шесть патронов. Понятное дело не просто так, за услуги, хлопоты у стола, соленья, варенья, да разносолы. Сюда же, записана и оплата за комнатуху, что состоит при Вохиной баньке. Да это и комнатой сложно назвать, стены сбиты из нестроганных досок, дверь со щеколдой. Большой стол посредине, две лавки, кровать за драными занавесками. Стоило для скота и то просторней.

Потратился я на угощения, в должниках оказался. А это, ой как нехорошо. Ко всем неприятностям, добавились стеклянные бутылки, что я отрыл на развалинах, и собирался выгодно обменять в лавке Гундосого. Они, почему-то оказались разбитыми. И не только бутылки, чашечки, запарник, тоже пришли в негодность. Кто и когда их разбил не знаю. Может сам и попортил, когда в мешке рылся. А может и не я вовсе, не помню. Да и как тут вспомнить, столько всего было.

Голова раскалывается, кости ломает, нутро выворачивает. Похмелье, будь оно неладно. Состояние я вам скажу скверное, гадкое. Воду ковшами пью, похмеляться не умею, от того и страдаю. О кислой подумаю, или запах унюхаю к ведру бегу.

А вот Гуньке хоть бы хны, подшучивает над моими страданиями. Залил в себя пол кувшина кислой, сидит на лавке в чём мать родила, девок тискает. А те хохочут, да так громко и заливисто, словно и не было ночной попойки. Гольшом расхаживают, босыми ногами по деревянным полам шлёпают. Похоже, из всей нашей компании я один болею. Остальным хорошо, весело.

– Ну, что? – Заговорил ко мне Гунька, нацепил самую радушную из своих улыбок, зубы скалит. – Продолжим хорошевать? Девчонки горят желанием ещё разок в баньке попариться. –

Хлопнул Гунька Тому по смуглому заду, а та, наигранно ойкнула, тряхнула большой грудью и завалилась на кровать.

– Не горю, сгораю. – Пропела Любаня призывно стреляет в меня бездонно голубыми глазами. Сидит у стола, только-только оторвалась от кувшина с кислой. – Бродяга, ты ещё вчера обещал отхлестать веничком. А может, позабыл? Так я напоминаю. Пошли, готовая я. – Взгляд красотики медленно сполз вниз, туда, где серая простыня прикрывает моё мужское достоинство.

– Иди сюда. – Ухватил я Гуньку за руку и потащил за цветастую занавеску что отгородила отхожее место.

– Ты чего? – Дружок скривился. – Отпусти, больно же.

– Какая банька? Последнее выгреб, ещё и должен остался.

– Да ладно тебе. – Гунька высвободил руку и побрёл к столу. Мне ничего не оставалось как отправиться следом за ним. – Не думай о плохом. – Выдохнул Гунька и приложился к кувшину. Громко хекнул, вытер ладонью рот и продолжая улыбаться, поведал. – Пей, гуляй. Я угощаю.

– И чем же ты угощаешь? – Прошипел, в голове гудит, желудок урчит. Плохо мне, но и молчать нет резона. – Вчера был пустой, а сегодня в наваре? Объясни.

– Ты чего Бродяга? – Гунька тарашится на меня, хлопает глазами. – Ты же сам посылал за Михалычем.

– Я? – Пришла и моя очередь удивляться. – Когда велел? Зачем?

– Как зачем? Обсудить детали. Завтра уходим.

– Не может быть. – Жалобно заскрипела кровать, я на неё уселся, грохнулся со всего маха. Похмелье выветрилось в одно мгновение. – Завтра?

– Ну, да. Михалыч сказал – веселитесь, отдыхайте, за всё уплачено.

– Уплачено? А как же долг? – Не знаю, почему меня именно это волнует больше, чем скорый поход на болото? Наверное, не до конца протрезвел.

– Это ты у него спроси. – Дружок хмыкнул. – Может, спутал чего? Михалыч, под самое утро заявился. Минька у стола шустрила. – Гунька призадумался, поскрёб небритую щеку. – Колбасу принесла.

– О чём мы с Михалычем говорили?

– Не мы, а ты. – Гунька прижал к себе Тому, смачно поцеловал её в губы и завалил на кровать.

– Гунька?! – Прикрикнул и толкнул его в плечо. – О чём вели разговор?

– Не помню. – Гунька тискает Тому, не до меня ему.

– А кто помнит?

– Я помню. – Пришла на выручку Любаня. – Вы с ним долго болтали. Про воду, еду говорили. А потом, ты пожаловался. Сказал – праздник в разгаре, а в карманах ветер гуляет.

– И что?

– Да ничего. – Брякнул Гунька. Тома вырвалась из крепких объятий. Дружок хлопнул её по мясистому заду, схватил за руку и усадил себе на колени. – Михалыч, Миньке патронов отсыпал. – Запустив ладонь Томе между ног вспомнил Гунька. – Пригоршню. Даже не сосчитал, отсыпал и ушёл.

– Если отсыпал, почему Воха на меня долг записал?

– Ты чего ко мне привязался? Откуда я знаю? Михалыч пришёл, Минька со стола прибиралась. А Воха. – Гунька чмокнул девицу в щеку. – Спать ушёл.

– Спать он ушёл. А меня ни свет, ни заря растолкал и про долг напомнил.

– Да ты чего Бродяга? Как записал, так и вычеркнет. Подумаешь, велика беда. Давай хороводить, когда ещё такой случай выпадет? Пей, гуляй, за всё уплачено. Редкая удача в наше время.

– Дурак ты Гунька. Какая же это удача?

– Ну вот, к нему как к брату, а он обзывается. Спасибо.

– Бродяга. – Окликнула Любаня, стреляет в меня глазками. Волосы чёрные как смоль, свисают до пояса. Губки алые, пухлые, как ягода малиница что растёт у реки. – А пойдём в баньку, что-то я продрогла. Тепла хочу.

– И ласки. – Прижимаясь к Гуньке, прошептала пышногрудая Тома. – Странные вы какие-то. – Тома поднялась и виляя задом пошла к столу. – Всю ночь кислую пили, разные истории рассказывали. Интересно конечно, но и совесть нужно иметь. Мы же женщины, нам любви хочется.

– Любви? – Переспросил Гунька и уселся рядом со мной. – А разве её не было?

– Да ты чего? – Тома бросила в Гуньку мякишем хлеба.

– Ладно Бродяга, какой с него спрос? Безвылазно в Тихом да на болотах ошивается. Может, серой гнилью надыхался или ещё какой дрянью. От того и по мужскому делу слаб. Но ты-то здесь живёшь, с тобой-то что приключилось?

После всего услышанного мы с Гунькой переглянулись. Похоже, хороводили мы только на словах и всё больше за столом. Но если и так, почему голые? Хотя, и этому есть объяснение, мы же в бане.

– Вы чего? – Любаня привстала, опираясь кулаками на стол. Грудь качнулась из стороны в сторону, на лице появилась не добрая улыбка. – Решили над нами посмеяться? Позвали, растревожили и в кусты? А ну, быстро в баньку! Мы сами вас венником отхлещем. Мужскую силу вернём и все болезни вылечим.

– Правильно Любаня. Молодец. – Тома подмигнула подруге. – Поднимайтесь, хворые. Щас, мы вы вас лечить будем. Пошли.

Сказано, сделано. Девицы запахнулись серыми простынями. Ну, не иди же голышом? А вдруг, не одни мы решили попариться?

Тома подхватила кувшин кислой, Любаня косицу вяленого мяса и мыску пасты. А вот мы, как сидели на кровати, так и остались сидеть.

Не знаю на счастье ли на беду, входная дверь распахнулась, вошли мужики в военной форме. Сделай девчонки ещё один шаг, припечатало бы их дверью. Отскочили наши красотки, шарахнулись в сторону, и забились в угол. Тома разлила кислую, Любаня измаралась пастой, сидят, жмутся друг к дружке глазёнками хлопают.

На пороге стоят трое, за их спинами Воха банщик топчется. Троица выстроилась у двери, Воха Обух остался за порогом. Банщик, мужик не из робких, если нужно припечатает, мало не покажется. Рука у него тяжёлая, прилепит, да так что одними синяками не отделаешься, покалечить может. Имеет на то полное право, банька-то его, озорничать здесь не позволительно. А двери ногой отворять, так это вообще дело последнее, тут уж любой хозяин не сдержится. Так было всегда, но не сегодня. Воха молчит, прячется за спинами не прошеных гостей.

– Кто из Вас Зайтан?! – Грубо спросил низкорослый крепыш.

– Он. – В один голос ответили девицы, тычут пальцами в мою сторону.

– И что? – Полюбопытствовал Гунька. – Чего надо?

– Заткнись. – Рывкнул крепыш. – А ты. – Быстрый взгляд ковырнул по мне и переполз на девчонок. Тома хлопает глазёнками, простыня сползла, открылась грудь. Крепыш облизал губы и приказал. – Собирайся Зайтан, с нами пойдёшь. А ты рыжий. – Крепыш высокомерно осмотрел Гуньку. – Сиди тихо, не вякай.

– Чего? – Гунька поднялся. – Ты на кого пасть раззявил? А пошли на свежий воздух. Там и поглядим, какой ты смелый да умелый?

– Можно и поглядеть. – Крепыш с прищуром осматривает голого Гуньку. Тот хоть и плохо видит на один глаз, но этого незаметно. А вот то, что Гунька на голову выше, да и в

плечах куда шире низкорослого это и подслеповатый заметит. Я молчу за кулаки, они у Гуньки как кувшины для кислой.

– Пошли недомерок. За уши оттреплю. – Решимости Гуньки не занимать. Не впервой ему выяснять отношения за воротами. Частенько доводилось выходить одному против двоих, а порой и троих обидчиков.

– Отставить!!! – Гаркнули у Вохи за спиной. Тот попятился и сбежал. – Брысь отсюда. – Глядя на девиц приказал Михалыч. Повторять дважды не пришлось. Девки похватили вещи и убежали прочь, прихватили кувшин кислой, косицу мяса и пасту.

– Вон тот. – Вытянувшись в струну доложил крепыш. – А этот. – Взгляд отметил Гуньку. – Фраерок ушатаный. Стрелку забил.

– Стрелку говоришь? – Михалыч присел на лавку, стряхнул со стола крошки. – И что ты ему ответил? – Взгляд смерил крепыша, перелез на Гуньку.

– Ничего. Ответки не было. Всё помню.

– А как же – стрелка святое дело? За базар нужно отвечать? Не твои ли это слова Крюк?

– Так это. – Хлопает Крюк глазами, глядит то на Гуньку, то на меня. – Ты же сам запретил разборки с местной босотой.

– Верно, запретил. А чего припёрлись? На хату вломились, беспредельничаете. – Голос Михалыча напитался злостью. Ходят желваки, взгляд суровый. – По какой нужде заявили лиценцы? Зачем людям праздник испортили? – Михалыч приложился к кувшину, хлебнул кислой.

– Ветеринар послал. Вон того, – палец ковырнул в мою сторону. – Его велел привести.

– Так бы сразу и сказал. – Поутих Михалыч, опустил голову. – Куда велел?

– В номера, куда же ещё? – Подал голос худой, долговязый. Похоже, он не совсем здоров, лицо бледное, глаза впалые красные.

– Ступайте. Сам приведу.

– Так это. – Крепыш затоптался на месте. – Ветеринар велел.

– А ты Крюк, часом не оглох на оба уха? – Тихо спросил Михалыч. – Может прочистить?

– Понял. – Крепыш кивнул и ушёл. Следом за ним чуть ли не наперегонки рванули и остальные.

Оставшись с нами наедине, Михалыч закурил. Хлебнул кислой, тяжело вздохнул и глядя на меня тихо спросил.

– Куда вляпался? Рассказывай всё как на духу.

– Лихо ты их завернул. – Гунька пританцовывая на одной ноге надевает штаны. – А чего они от нас хотели?

– Бродяга! – Окликнул Михалыч. – Говори, чем Ветеринару не угодил? Зачем ты ему?

– Не знаю я никакого Ветеринара. Даже не слышал о таком. И этих тоже не знаю. Первый раз вижу.

– Странно получается. Ты никого не знаешь, а посыльных именно за тобою прислали. Может, просветишь, откуда такая популярность?

– Не собираюсь я ничего объяснять. Сказал не знаю, значит не знаю.

– Придётся. – Курит Михалыч, глядит как я одеваюсь. – Лучше мне, чем Ветеринару. Поверь Бродяга, страшный он человек, опасный.

– Сколько я тебе задолжал?

– Ты о чём? – Михалыч раздавил в тарелке окурок.

– О патронах. Схожу в схрон, вернусь, отдам долг.

– Забудь. Не нужны мне твои патроны. Дикие вы здесь. На патроны еду и девиц покупаете. Хотя? – Михалыч снисходительно улыбнулся и резко помрачнел. – Плохи наши дела мужики. Хуже и не придумаете. Закрылась лавочка.

- Какая лавочка? – Спросил я, надеваю ботинки.
- Ваша лавочка. Контора работает только на вход. Выход закрыли.
- Не понял? – Вмешался Гунька. – Какой вход, какой выход? Шутишь?
- Да уж, какие тут шутки. – Михалыч потёр лицо. – Пришёл предупредить, а у Вас гости.
- Предупредить о чём? – Разговор не складывается.

Михалыч говорит загадками, и мне это сильно не нравится. – Спасибо за заботу. Заберу винтовку и рвану в Тихий. За долг можешь не волноваться, верну всё до последнего патрона.

– Бродяга, я с тобой. – Гунька хлебнул кислой, запихал в рот кусок холодного мяса и снова приложился к кувшину. Пережевал, проглотил, глянул в мою сторону и сообщил. – Без меня не уходи. Вещички прихвачу и рванём в Тихий. – Очередная порция мяса отправилась в рот, Гунька пошарил взглядом по столу (искал пасту). – Ты слышал как недомерок на меня? – Набитым ртом жалуются Гунька. – Отловлю за воротами башку снесу. Да, когда такое было, чтобы какая-то козявка мне рот затыкала?

– Все высказались? – Поглядывая на дверь спросил Михалыч. Мы кивнули. – Теперь меня послушайте. Времени у нас мало, а дел много.

Рассказ был не долгим, но содержательным. Из слов Михалыча стало известно – в Бочке начались перемены. В конторе принимают исключительно колечки, серёжки, всякие цацки из белого и жёлтого металла. Цену за этот непотреб назначили высокую. Вожак новичков с необычным для наших мест прозвищем Ветеринар, решил рассорится с пришибленными, хочет забрать их промысел. Думаю, этим ребятам (пришибленным) сильно не понравится такая новость. Не было у них конкурентов, за такое могут и Бочку подпалить, у этих парней ума хватит.

Услыхали мы ещё одну новость, похуже первой. Ветеринар, собирается в скором будущем наведаться в соседние поселения. Горит большим желанием, объединить земли, установить на них свои порядки, и правила. Какие правила, что за порядок, да и зачем всё это ему нужно мы так и не поняли. Уж как-то много новых словечек, замысловатые они и ничего не объясняют, а на расспросы нет времени. Но то, что наша жизнь изменится и не в лучшую сторону, сомнений не осталось. Уж слишком много оружия у пришлых. В наших местах оружие и патроны решают всё, они и закон, и порядок. Для себя решил твёрдо – как бы мне этого не хотелось, пойду на болото. Уплачу долг Михалычу, спрячусь в укромном местечке и уже оттуда стану наблюдать за переменами, какими бы они ни были.

Гунька ушёл выполнять поручение Михалыча, наш новый приятель отсыпал ему пол кармана патронов и велел затаится, не лезть на рожон. А я отправился на встречу с Ветеринаром, Михалыч настоял. По пути в номера к Шваньке, Михалыч попросил, не давать обещаний. Что бы ни говорили, о чём не просили отвечать уклончиво. Сказал – облажаюсь поймают за язык и хана. Как можно поймать за язык ума не приложу? Это что, ворот куртки или рука? Да и вообще, много слов непонятных, не слышал я раньше таких. Урки, гопники, блатные, шалавы, шныри, ответка. Что оно такое? Имена, клички, а может название промысла? Голова идёт кругом, каша в ней, неразбериха.

У двери в заведение Шваньки Розовощкой сидит дядька в военной форме, с автоматом в руках. Вот и начались перемены, запрещено в Бочке оружие, в коморке Носатого оставлять велено. А это сидит, автомат уложил на колени лыбится. Завидел Михалыча вскочил, услужливо отворил дверь. Михалыч что-то шепнул дядьке на ухо, тот смерил меня придиричивым взглядом, кивнул. Дальше, пошёл я один.

В коридоре грязно как в хлеву, не припомню, когда здесь видел столько мусора? Да, бывали дни больших хороводов, гулял народ громко и подолгу. Гулять-то гуляли, но не настолько гадко, куда не посмотри бумажки, окурки. Осколки кувшинов из-под кислой, и плевки на каждом шагу. Нет, в хлеву намного чище, там прибираются.

Справа и с лева номера девиц. Днём девки спят, после ночи отдыхают. Сегодня все двери нараспашку. В комнатах дым столбом, шум, гам, пахнет табаком и кислой, разит сушёной рыбой. По коридору шатаются пьяные в военной форме. Их не то что бы много, с десятков от силы полтора наберётся, но для такого места большая толпа. Девиц не видно гогочут в номерах, а вот Шваньку я заприметил, разглядел в сизом дыму. Вид у неё потасканный, стену плечом подпирает, на меня глядит. Бледная она какая-то, нет на щеках румянца, глаза красные, точно плакала всю ночь. Синее платье в белый горошек измято, волосы растрёпаны. Неувидел я у неё на шее большого кулона с камушками и колечек с серьгами тоже нет. Во взгляде пустота, отрешённость. Может, перебрала кислой, пьяная?

– Привет Розовощёкая. – Поприветствовал и спросил для приличия. – Как поживаешь красавица?

– Где тебя носит? – Не поздоровавшись охрипшим голосом спросила Шванька. – Заждались. Ступай в мою комнату.

– В твою?

– Чего переспрашиваешь? Глухой, или дорогу позабыл?

– Нет. Помню. – Бывал я у неё в гостях, один раз, больше не звала. Женщина она видная и умелая, не каждого к себе подпустит.

Отрыл я как-то на руинах большую вазу из толстого резного стекла. В конторе на неё и смотреть не захотели. Огорчился, расстроился, вещица-то тяжёлая и громоздкая. Пустой я тогда в Бочку пришёл, с одной только вазой. Хотел было уйти обратно в Тихий, но в дверях конторы повстречал Шваньку. Розовощёкой ваза понравилась, в два десятка патронов её оценила, ещё и приласкала, а это она умеет. Тогда, Шванька радовалась, улыбалась, шутила. А сейчас стоит сама не своя.

– Ступай, чего ждёшь? – Прохрипела Шванька. – Хватит таращиться.

– Я и не таращусь. – Бросил через плечо и открыл дверь.

Дым столбом, дурной запах невымытых тел в нос шибает. У стены и за кроватью ящиков гора чуть ли не до самого потолка. Плоские, длинные, сбиты из выкрашенных в зелёный цвет, хорошо подогнанных досок. Не доводилось мне встречать такие ящики.

Сразу за дверью, знакомый мне низкорослый крепыш. Тот недомерок что Гуньке нагрубил. Сидит у двери на табурете, глядит на меня искоса с дурной ухмылкой. Долговязый тоже здесь, лежит в ботинках на кровати, спит, а может просто глаза закрыл, отдыхает. А вот третьего, что с ними приходил невидать. Да и не разглядел я его лица. А вот зелёную куртку с капюшоном успел рассмотреть. И ботинки, высокие, песочного цвета с толстыми шнурками хорошо запомнил. Славные ботинки, добротные. За столом двое. Глядят из-под бровей, жуют вяленое мясо, запивают кислой.

– Проходи Зайтан. – Заговорил бородатый и приложился к кувшину. Лица за ручищей и кувшином не видно, но я его сразу признал. Тот самый, что повстречался мне на лестнице, Лекарь.

– Моё почтение, всей честной компании. – Поздоровался, но мне не ответили. Низкорослый вскочил с табурета как ошпаренный и давай меня точно девку ощупывать. Ловко у него это получается, отыскал нож (я его под штанину в ботинок припрятал).

– Не порядок. – Выдохнул низкорослый прошёл к столу, положил нож на дальний край. Взял кусок мяса сунул в рот и вернулся к двери. – Где взял? – Полным ртом спросил крепыш. – Откуда заточка?

– Не скобли. – Рывкнул на него Лекарь и пригладил бороду. – Зайтан, не стой пнём. Присядь, выпей. – Кувшин расплёскивая кислую пополз в мою сторону. – Угощайся, чем Бог послал.

– Спасибо. – От вида кислой меня замутило. Подкатил к горлу гадкий ком.

– Спасибо на хлеб не намажешь. – Глядя с прищуром, заговорил второй. Морда у него хоть орехи коли. Широкий лоб, большие скулы, губы узкие. Нос огромный крючком, глаза навывкате. Двух недельная щетина, а вот голова гладко выбрита. Странно это, голову обрил, а морду поленился?

– Ага. Не намажешь. – Брякнул от двери низкорослый. – Много вас, охочих на халяву.

– Пасть закрой. – Резко и зло оборвал Лекарь. – Доходягу заведи и проваливай.

– Ветеринар. Ты чего? – Крепыш резко поменялся в лице. Пропала ухмылка. – Что я такого сказал?

– Доходягу за шкварник и на выход. – Без прежнего гнева, спокойно, с расстановкой повторил Лекарь.

– Ломает его. – Пояснил крепыш. – Загибается, дал бы ты ему дозу. Подохнет.

– Свою отдай. – Предложил Лекарь, разминает пальцами сигарету. – Проваливай, не зли меня.

– Понял. – Крепыш вскочил, метнулся к кровати и принялся расталкивать Доходягу. Тот не желает вставать, вертит головой, хлопает глазами и что-то бормочет.

– С ними ступай. – Лекарь толкнул локтем мордастого. – Скажи Шваньке пусть девок пришлёт. Тряпки в зубы и что бы всё блестело. Устроили здесь свинарник.

– Как скажешь. – Мордастый не перечит, поднялся, хлебнул кислой. Взгляд тяжёлый, злой, глядит в мою сторону лысину поглаживает.

– Пацанов собери. – Прорычал Лекарь. – Отыщи всех и отправь за ворота. Пусть делом займутся. Ту падаль что за воротами валяется, прибрать нужно. Воняет.

– Угу. – Себе под нос пробурчал мордастый и рявкнул на крепыша. – Крюк, чего стоишь?! Кого ждёшь?! Тащи окалеванца, волокни на двор. Жрут всё что не попадя, потом чахнут. Щас я вам. – Дверь затворилась, но из коридора ещё долго слышалась громкая брань мордастого.

– А давай-ка мы выпьем? – Предложил Лекарь, когда в коридоре всё стихло. Доверху наполненный кувшин стукнул доньшком о чёрные доски стола. – Славная у Вас брага. – Похвалил новый приятель и приложился к кувшину.

– Извини! – От запаха кислой мой желудок взбунтовался. – Не могу. Вчера перебрал, до утра хороводили.

– Бывает. – Лекарь не настаивает. Похоже, моё признание его развеселило, позабавило. Улыбнулся он широко и понюхал кислую. – Ягодами пахнет, дрожжами совсем не воняет.

– Чем?

– Да так. Ничем. – Лекарь хлебнул, вытер ладонью бороду и, глядя мне в глаза, спросил. – Куришь? – Чуть примятая пачка легла на стол, такая же синяя как у Михальча. Я, отказался, завертел головой. – Молодец. – Похвалил бородатый. – Правильно делаешь. Гадость редкая. Я как-то пытался бросить. Не смог. – Новый знакомый прикурил от спички и выдохнул в сторону от меня облако табачного дыма. Посмотрел на сигарету и посетовал. – Силы воли, не хватает. Неделю продержался и взялся за старое.

– Вояки много курили. – Вставил я, на что собеседник широко улыбнулся. И чему он улыбается, сложно понять. Вояки его порадовали или то, что они курили?

– Мне сказали. – Как бы невзначай бросил Лекарь. – Ты дорогу за реку знаешь?

– Скорее, до неё. – Признался я, врать нет нужды. Зачем? – За реку не ходил. На той стороне, вояки хозяйничают, их территория.

– Даже так? Хозяйничают? И что, ваши вояки без меры грозные? – Злая ухмылка, внимательный взгляд. Лекарь глядит с прищуром. – Чужих к себе не пускают?

– Почему же, не пускают, пускают. Лично мне за рекой делать нечего. В Тихом дел хватает. На кувшин кислой с вяленным мясом, всегда отыщу чего-нибудь.

– Странно. – Лекарь ненадолго призадумался. Наверное, прикидывает в уме, что можно отыскать и сколько? – А знаешь Зайтан? У меня для тебя найдётся одно дельце. Не облажаешься награду по-царски.

– Это как? – Спросил я, снова непонятные слова – облажаешься, по-царски.

– Щедро. – Тут же пояснил Лекарь. – Патронов отсыплю столько, сколько утащишь. Выбирай любые. Хочешь, пистолетных отвалю, а хочешь, автоматных насыплю. Хотя нет. – Лекарь улыбнулся. – Зачем тебе автоматные? Ты искатель, с винтовкой ходишь. Верно?

– Верно.

– Ну так что, поможешь? В долгу не останусь.

– А не боишься разориться? – Столь щедрое предложение озадачило и развеселило одновременно. Да и не предлагали мне столько. Хотя нет, Михалыч тоже сулил что-то похожее. О каких-то коробках говорил. Так-то коробка, а тут сколько утащишь. Скорее всего врёт Лекарь, нет у него столько патронов.

– О чём призадумался? Может, тебе ещё что-то нужно? Ты только скажи. Ствол подгоню, винтарь с оптикой. А хочешь, пулемёт?

Уж как-то весело и задорно говорит Лекарь, улыбается мне как давнишнему приятелю открыто, по-доброму. С чего Михалыч решил – Лекарь разбойник с большой дороги. Очень даже ничего мужик. Вон и глядит по-свойски, сразу видно, хороший человек.

– Зачем мне пулемёт? – Улыбкой на улыбку ответил я. – Куда с ним ходить?

– Да куда угодно. В тот же город. Как ты его назвал, Тихий? – Новый знакомый подмигнул. – Ну так что, по рукам? Винтовку, патроны, автомат, пулемёт? Выбирай всё что душе угодно.

– С чего вдруг? За какие заслуги?

– Отведи моих ребят за реку, проведи к воякам. По-тихому, без лишнего шума.

– А по-другому и не получится.

– Вот и отлично. – Лекарь протянул ладонь. – Стало быть по рукам?

– До реки могу. – Не спешу я с рукопожатием, Лекарю это не понравилось. Нахмурился он, хлебнул из кувшина, глядит из-под бровей. – Дорог за рекой не знаю. Не был я там.

– А кто знает, кто бывал? Подскажи. Патронов дам. Сотню.

– Патроны, это конечно хорошо. – Что-то меня встревожило в напористости собеседника. Да и взгляд у него стал жёстким. Ошибся я, глядит на меня как на добычу. Не ровен час, в горло зубами вцепится. – В Бочке провожатых ты не сыщешь. Тебе к пришибленным нужно, эти ребята за рекой частые гости.

– А где их найти? Отведёшь к пришибленным?

– Отведу, но не сегодня. С похмелья голова болит. – В дверь постучали напористо и громко.

– Не заперто! – Гаркнул Лекарь.

– Недомерок сбежал. – С порога выпалил мордастый и погладил лысую голову. Осторожно прикрыл дверь, и как провинившийся мальчишка встал у стены. – Всё обыскали, в каждую дыру заглянули, нет Карлухи. Свинтил, тля кривоногая.

– Кто на воротах стоял? – Проревел Лекарь. Сделал добрый глоток кислой и запустил кувшином в мордастого, тот увернулся и отступил к двери. Ударился кувшин о стену, разлетелся на черепки, растеклась большая красная лужа кислой.

– Последним, Кнут фишку рубил. – Потупив взгляд, сообщил мордастый. – Зуб даёт, не выходил мелкий за ворота.

– Зайтан. – Позвал Лекарь и стукнул кулаком по столу. – Из Бочки есть другой выход? – Последнее слово прозвучало как шипение змеи.

– Не знаю. – Соврал я. – Может и есть? Я не местный.

– А кто знает? – Сквозь зубы процедил Лекарь. – У кого нужно спросить?

– У оседлых. Я здесь, как и ты, в гостях.
– В гостях? – Лицо бородатого перекосила кривая улыбка.
– Тут, вот какое дело. – Мордастый прячет взгляд, нервно поглаживает бритую голову, переминается с ноги на ногу. – У Шкири, валыну подмотали.
– Ступай Зайтан. – Прошипел Лекарь. – Позже договорим.
– Позже так позже. – Кивнул и направился к двери. Заберу у Носатого ружьё и драпану без оглядки.

– Зайтан! – Окликнул Лекарь. – Захочешь есть, пить ступай к Гундосому. Пожелаешь девку, выбирай любую. Кто пасть раззявит, дай в рожу. А ты. – Взгляд резанул по мордастому. – Проследи, что бы пацана не обидели.

– Всё сделаю. – Заверил мордастый.

– Спасибо за щедрость. Извини, башка раскальвается. Не до девок.

– Тоже верно. – Лекарь прошёл к ящикам. Поднял с пола железную коробку, порылся в ней и подошёл ко мне. – Держи. Две пачки, винтовочные. На мелкие расходы. Хлебни браги, подлечи голову.

– Не хочу браги. За патроны спасибо, пригодятся.

– Не сомневаюсь – Лекарь подошёл вплотную, пахнуло от него табаком и кислой. – Удумаешь свинтить, из-под земли достану.

– Куда свинтить? Спать хочу. – Пожаловался я, рассовываю по карманам пачки. – Башка раскальвается, ночка выдалась весёлой. В баньку и спать.

– Понимаю. – Протягивая ладонь, выдохнул Лекарь. – Отдыхай, до вечера.

– Ага, до вечера. – Пообещал, пожимая крепкую руку. Не говорить же ему, уйду не попрощавшись. И не просто уйду, побегу без оглядки.

– Проводи гостя, верни перо. Завидное у пацана пёрышко, не твоё оно. Отдай. – Глядит Лекарь мордастому в глаза, не моргает. – Хоть один волос упадёт, башку откручу. Понял?

– Понял. – Лысый часто закивал и вынул из-за пояса мой нож. Когда он его забрал, я не видел. – Держи. – Мордастый хищно улыбнулся и перевёл взгляд на Лекаря. – Что с Карлухой?

– Упился недомерок, он и валыну стащил. Проучите гадёныша, но без фанатизма. Живой он мне нужен.

– Где искать?

– В сене спит. – Направляясь к столу сообщил Лекарь. – Ступай Зайтан, отдохни, выпись. Не шали, накажу. – Развернулся на каблуках, широко улыбнулся и пригрозил пальцем. Вот только кому он пригрозил, я не понял. Может мне, а может бритоголовому?

Бритоголовый, как и было ему велено, пошёл провожатым. Шли коридорами, спускались и поднимались по ступенькам, вокруг ни одной живой души. Тишина, запустение, точно в Тихом. Прошли мимо коморки Носатого, а она под замком. За грязным стеклом не горит лампа, стало быть давно и надолго заперто. Попытался спросить, куда подевался Носатый? Дело к нему имеется. Мордастый даже ухом не повёл, толкнул меня плечом и пошёл вперёд.

Возле баньки мы и распрощались. Провожатый поглядел на меня с прищуром, улыбнулся недоброй улыбкой и пошёл к большой куче поленьев. К нему выбежал Воха в новой холщовой рубаше. Говорили они недолго, Воха часто кивал, прятал взгляд, нервно почёсывал щеку. Когда мордастый ушёл, хозяин баньки заспешил ко мне.

– Велели отмыть, накормить, и на чистые простыни уложить. – На одном дыхании выпалил Воха, присел рядышком на лавку что прикопана тут же у самой баньки. – Слышь, Бродяга? – Банщик пожевал губу, громко вздохнул. – Откуда они взялись? Командуют точно у себя дома. Каждый день новые правила, порядки. Лично мне наши вояки как-то больше по душе. Держались они обособленно, в наши дела не лезли. А эти везде нос суют. – Воха махнул ручищей, потянулся к ведру с водой, сунул в него почерневший от времени деревянный ков-

шик. Выловил букашку и выплеснул на земляной пол. Глянул на меня, вздохнул и поведал. – Уж больно щедры пришлые, патрон горстями сыплют. Как бы чего не вышло? А ты что думаешь? Чего ждать-то?

– Я не провидец. Не знаю.

– Жаль. – Воха поскрёб шею.

– Не думай о плохом и всё обойдётся. – Посоветовал я. Странно устроен человек. Сам-то в это не верю, а Вохе присоветовал.

– Да я и не думаю. Гоню прочь гадкие мысли, но что-то не выходит. Тревожно как-то. – Пожаловался Воха. – Вчера Махута собрал вещички и драпанул через дыру. Пенчуки всем семейством следом за ним ушли. Днём раньше Ташкан с Куцым сбежали. Вот и Карлуха дал дёру. Приходили тут двое, искали Коротуна, стало быть и он сбежал. Драпает народец, бежит со всех ног.

– То-то я гляжу, тихо в Бочке. Совсем не весело.

– Да какое тут веселье? Все наши беды с Пуздро и начались. Обходит люд Бочку десятой дорогой. Охотники и те сторонятся, а куда мы без мяса? Пропадём.

– А сами то что, безрукие или стрелять разучились? Зверья полна округа.

– Да кто нас пустит? – Воха махнул рукой. – Заперты ворота.

– С чего вдруг?

– Для безопасности. Непокойно за стенами, банда в лесу прячется. Душегубы Пуздро порешили.

– Кто сказал?

– Дык. – Воха пожал плечами. – Пришлые и сказали.

– И ты поверил?

– Да, поверил. Зачем им врать? Вон и на вояк кто-то напал. Заставы попалили, кучу народа перебили. Уж если и вояк начали бить, жди беды.

– Ожирели Вы, обленились. Приросли к Бочке.

– Приросли. – Согласился Воха, плюнул под ноги и ткнул меня локтем в бок. – Слышь, а сам-то ты что думаешь? Чего нам ожидать?

– Да что с вами будет? Стены крепкие. Позабыл, как лиходеи с Туманной долины к вам наведывались? Постреляли их, тем всё и закончилось. Мор по округе лютовал. Два поселения вымерло, а вам хоть бы что. И в этот раз обойдётся.

– Так-то болезнь, травники зельем отпоили. Да и разбойников мы знали где отыскать. – Воха сжал мясистые кулаки. – Сейчас всё по-иному. Ничего не известно, одни догадки.

– Уходи, пережди в другом месте.

– Как уходи? – Воха уставился на меня точно увидел привидение. – Куда?

– Да куда угодно.

– Не могу. – Воха зачерпнул ковшиком воды, хлебнул. Смачно крикнул, вытер губы рукавом рубахи. – На кого я баньку брошу? Моя она. Да и идти особо-то не куда. Разве что к Минькиной тётке в Приболотье. – Воха поскрёб шею, призадумался и выдохнул. – Не пойдёт Минька. Хозяйство оставить не на кого.

– Вот и оставайтесь, может что-то и высидите? Банька у тебя хорошая, славная банька. Будешь и дальше, своих и пришлых парить, патроны горстями загребать. Разбогатеешь.

– Ой, не знаю, не знаю. Как бы бедой нам это богатство не вылилось? – Глядя на повидавшее виды ведро, с тревогой в голосе поведал банщик. – Сердцем чую, добром это не закончится. Но как своей бабе разъяснить? Она от этих патронов да консервов, совсем умом тронулась. Шутка ли, за последние дни столько заработали. На год, а то и на все два безбедной жизни хватит.

– Ответь мне Воха? Как считаешь, покойникам нужны консервы и патроны?

– Ты чего? Тьфу на тебя. – Воха вскочил. – Правду говорят, Тихий у вас мозги сушит. Да кто на такое отважится? Мы чай не в болотах, не в лесу. Порядки у нас другие.

– Растапливай баньку.

– Чего? – Воха хлопнул глазами.

– Велели помыть?

– Ага. Велели. – Воха закивал.

– Начинай. Да скажи Миньке, пусть Гуньку кличет, на стол накрывает. Сколько тебе за мою помывку да кормёжку патронов отвалили?

– Ничего не дали. – Воха пожевал губу. – Пообещали – сотню не меньше.

– Подорожала банька. – Я повернулся, хлопнул рукой по чёрным брёвнам сруба. – Долг не позабыл списать? Что же ты Воха честных людей в должники зачисляешь?

– Так я не знал. – Банщик виновато опустил голову и проворчал. – Нет долга. Списал всё подчистую.

– Ступай, готовь баньку. Рассола принеси, башка раскалывается.

Мыться совсем не хочется, вернулось похмелье. В голове гудит, спину ломает, кости выкручивает. Во рту неприятный привкус вчерашнего, нет, сегодняшнего веселья. Прилёг я на лавку у баньки и задремал. Наверное, так бы и проспал до самого вечера. Не дали, пришёл Гунька. Я успел пожалеть, что велел позвать приятеля. Шумный он.

Уговорил меня Гунька попарится. Сказал – это поможет, и оказался прав. Спирающий дух пар, веники и умение Вохи хлестать без устали прогнали похмелье. Ломал меня банщик своими ручищами, охаживал вениками. Думал помру. Не дали, окатили холодной водой и выволокли из баньки, усадили на лавку, напоили рассолом. Полегчало, голова прояснилась. Набравшись наглости и помня щедрость пришлых, попросил Миньку сбегать в лавку Гундосого. Принесла хозяйка чистое бельё мне и приятелю.

Оделись во всё новое, сели к столу, там же у баньки. Минька накрыла стол. Посмотрели мы на закуски и переглянулись. Два пересушенных куска вяленого мяса, пяток клубней белой сомнительного вида, бочонок пасты. Из выпивки, два недолитых кувшина кислой.

– Вот те на? – Вымолвил Гринька, искоса поглядывает на Миньку. – И как это всё понимать?

– А как хочешь так и понимай. – Грубо ответила Минька, упёрла руки в бока встала стеной по ту сторону стола

– Ты чего? – Гунька глядит на Миньку, та на него. – Тебе что было велено? А ты что притащила?

– А что нашла, то и притащила.

– Где нашла, на помойке? – Гунька ткнул пальцем в клубень белой. Ковырнул ногтем кусок почерневшего, не первой свежести мяса. – Тащи жаренное с пылу с жару.

– А кто заплатит? – Хозяйка вытерла руки о свежий фартук и подалась вперед. – Цены нынче взвинтили, колечки да серьги просят. У меня нет. Сам сходи и обменяй, я приготовлю.

– Не желаю с тобою говорить. Зови Воху. – Строго заявил Гунька и ещё строже добавил. – Клич хозяина.

– А нет его. Ушёл.

– Куда? – Гунька скривил кислую рожицу.

– Куда нужно, туда и ушёл.

– Тащи мясо, колбасу, соленья. – Потребовал приятель, толкнул меня в плечо и заверил. – Притащит, куда не денется.

– Ага, щас. – Минька кивнула, сунула руку под вырез, поправила грудь. – Уже бегу, аж упрела. – Объявила жена банщика и дунула на непослушный локон. Тот поднялся и вернулся на прежнее место, прикрыл глаз. – Своими девками командуй, а у меня сиди тихо. Ешь что даю.

Не нравится, так я тебе. – Хозяйка поправила волосы и пригрозила кулаком. Гунька вскочил, ретировался за баньку и оттуда прокричал.

– Знаю я! Всё знаю. Как в кислую, бродилку льёшь. И о твоих похождениях, тоже слышан. Расскажи мужу про сеновал, поведай как с Гундосым хороводы водишь? И про Кузяку, что с тобою за ягодой ходит, тоже расскажи. А может Карлуху позвать? Он-то тебе соврать не даст.

– Врёт недомерок. – Брякнула Минька и выпучила глаза.

Лицо пошло белыми пятнами, нос покраснел. – Не правда это. – Поникшим голосом оправдывается хозяйка. – Враньё, наговоры.

– Что, съела? – Заметно осмелев, напомнил о себе Гунька. – Поведай, сколько Карлухе за молчание кислой наливала?

– Враньё, наговоры. – Минька расплакалась, прикрыла фартуком лицо. – Врёт Коротун.

– Ёха-а-а! – Раздался возглас победителя, Гунька вернулся к столу. Пригладил рыжие волосы, плюхнулся на лавку и потребовал. – Накрывай стол, гулёна.

– Не дури. Хватит! – Пришлось рывкнуть, остепенить приятеля. Стало мне жалко Миньку. Много чего рассказывают о её похождениях. Разное люди болтают. Не моё это дело, как хочет, так и живёт.

– Ты чего? – Хлебнул Гунька кислой, скривился и отставил в сторону. – Тьфу, гадость. Ты что, отравить нас удумала? Что за дрянь притащила?

– Сейчас. – Вытирая фартуком глаза и нос, всхлипывая отозвалась Минька. – Принесу. Из личных запасов.

– Тащи. Проверим, что у тебя в запасах?! – Прокричал Гунька, заёрзал на лавке. – Вот и женись на такой. Стыда не оберёшься.

Поймав мой строгий взгляд, приятель запнулся. Поскрёб шею, виновато улыбнулся и принялся ковырять пальцем чёрные доски стола.

– А чего она? – Оправдывается Гунька. – По-людски попросили. – Приятель отодвинул тарелку с клубнями белой. – А если отравимся?

– Зачем женщину обидел?

– Переживёт.

– Дурак ты Гунька.

– А ты значит умный?

– Да пошёл ты. – Не хочу я спорить. Встал и поплёлся к навесу за вещами.

– Постой! – Окликнул приятель. – Дело имеется.

– Знаю я твои дела. Хороводить, да кислой упиваться, вот твоё дело. Пойду я, засиделся в Бочке.

– Не злись Бродяга. – Как-то виновато вымолвил Гунька. – Шёл к тебе, Михалыча встретил.

– И что?

– Ворота под замком. Не выпустят.

– Сбегу.

– И как ты это сделаешь? Дыры и норы если уже не заколотили, то заколачивают. Пришлые все лазейки перекрыли. Без моей помощи не выберешься, даже и не надейся. Присядь, потолкуем.

– О чём мне с тобою толковать?

– Всё о том же. – Гунька осмотрелся и поманил пальцем. – Придумал я, как нам драпануть. Уверен тебе это не понравится, но попробовать стоит. Не осталось других путей на свободу. Законопатили нас. У ворот пришлые с оружием, охраняют.

Пришла Минька с недолитыми кувшинами. Смела чистым полотенцем со стола вчерашние крошки, пообещала нажарить мяса. Прибралась на столе и ушла.

Толковали мы недолго, попивали кислую, Гунька вкратце обрисовал свой план. А план ещё тот. Не приходилось мне выбираться откуда-либо через отхожее место. Но другого выхода из Бочки не осталось. С оружием тоже вышел конфуз, под замком оно. Да и соваться в коморку Носатого не безопасно, поймают и свяжут. Об этом Гуньке поведал Михалыч. Продукты, патроны и новые винтовки Михалыч пообещал добыть. Вот только верить ему мне хочется всё меньше и меньше. Уж как-то гладко у него получалось. Туда не суйся, сюда не ходи. А тут вдруг, сам всем обеспечит, всё организует. Ну да ладно, дождёмся вечера и поглядим какой он организатор?

На том и порешили, уходим до сумерек. А сейчас, отдыхаем делаем вид что пьём, хоро- водим. Для правдивости, зовём девок громко веселимся и ждём Михалыча.

3

Как выбрались из нужника в Чёрный овраг помню смутно. Голова чумная, кишки наружу выворачивает. Знай я раньше через какие мучения нужно пройти, искал бы другую лазейку. А пройти пришлось и немало. Это не сточная яма, а лабиринт какой-то. Тоннели, повороты, тупики, я и не догадывался что под Бочкой столько всего нарыто. Арочные стены из кирпича, стоки, колодцы, краны, вентиля, трубы, какая же это Бочка для керосина? Здесь всё как в подвалах под Тихим. Шли мы по колено в дерьме, уже через четверть часа я не понимал куда иду и зачем?

Воняет до умопомрачения, в голове неразбериха. Желудок к горлу поднимается, перед глазами всё плывёт, а по голове точно кувалдой охаживают. В башке стучит, гремит, как в кузне. Состояние я вам скажу отвратительное. А тут ещё новенькая винтовка как-то не к месту пришлась. Штука хорошая, но уж больно длинная, за всё цепляется. Куда не глянь паутина, лохматые корни свисают точно верёвки, на голову зловонная жижа капает. Брели наугад, шли на бледное пятно света, свернули и заплутали чуток, да оно и понятно почему? Не доводилась нам гулять под нужником. Ноги едва волочём, руками за стены держимся, везде грязь, нечистоты. Шли долго и тут сквознячком потянуло дышать стало легче, а вот дерьма заметно прибавилось, поднялось оно до пояса. Торбу и Карлуху тащим поочерёдно. Иду и уже не надеюсь, что выберусь.

Спасибо Карлуха помог, он с нами драпанул. Побили его гости незваные, отыскали спящего в сене, растолкали и отмузузили. А что бы ещё чего не вытворил у клозета к столбу привязали, грязный мешок надели на голову. Таким мы его и нашли.

Взвалил Гунька мелкого на плечо и понёс. Ну не оставлять же его на верную погибель? Оклемався Карлуха, пришёл в себя и поведал про запертую решётку на выходе из сточной ямы. Мы к ней дважды выходили, замок на ней амбарный. От зверья решётка, железные прутья толстые. Повезло нам с Коротуном, он-то и указал верный путь. Не сразу конечно, далеко забрели, даже Карлуха не сразу разобрался где мы? Подсказал Коротун как уберечься от смрада. Тряпками лица прикрыли, дышать стало легче. Но и намучились мы с мелким не мало. Торба неподъёмная, Карлуха тоже не пушинка. В яме нам по пояс, а ему по самое горло, вот и тащим проводника на плечах. Но я не в обиде, даже благодарен, за такую ношу.

Как оказалось, состоял Карлуха при отхожем месте главным. Чистил его. Держал своё ремесло в тайне, стыдился. Раз в неделю, ранним утром уходил на чистку, возвращался затемно. Ключик от добротного амбарного замка носил при себе. Им мы и открыли решётку.

Долго отлёживались в ярочке, отхаркивали прогулку. Небо тучами затянуто, идёт дождь, сильный, проливной. Спасибо непогоде, с крыши Бочки нас невидно. Идти за ворота на наши поиски только безумец осмелится.

Полежали, отдышались и побрели куда подальше от сточной ямы. За холмом что порос высокими кустами и трухлявыми пнями, лёжка имеется. Охотники в ней по ночам отсиживаются, днём мясо вялят. Захаживал я к ним, товаром менялся. Тогда и помыслить не мог – в коптильне найду спасение. По-хорошему, налегке и бегом, до моего схрона в лесу, час с

небольшим. Там и чистая одежда, и ботинки не новые, но сухие припрятаны. Только это в другую сторону, не по пути. Да и не поспеем к лёжке затемно.

Вымотала нас яма, все силы забрала. Карлуха едва ноги переставляет, Михалыч позади всех тащится, носом клюёт. Позеленел весь, через каждые десять шагов останавливается, плюётся, кашляет. Плохое дело, спешить нужно, а мы как ожиревшие ползуны волочемся.

– Бродяга. – Позвал Гунька. Первым он взобрался на холм, упал на колени, глядит на пройденный путь. – Ты смотри, что твориться? Не уж-то из-за нас столько шума?

– Да кому мы нужны? – Ответил и присел на траву. С крыши Бочки, сумрак дождливого вечера режут лучи света. Не факельные, не языки костров. Посечённые и побитые дождём полосы, размазанными пятнами шарят по округе.

– Прожектора это. – Усевшись на пень заговорил Михалыч. Грязный, понурый, но уже не такой зелёный как час назад. – Ветеринар мерзавец. – Вытирая с лица дождевую воду прохрипел Михалыч. – А говорил аккумуляторы издохли. И тут соврал сволочь.

– Кто издох? – Спросил Гунька.

От Бочки послышалась стрельба. Ветер донёс хлопки, прогремели разрывы. Били куда-то вниз, то по одну, то по другую сторону Бочки.

– Меня хватились. – Брякнул Карлуха приглаживает ладонью мокрую копну волос.

– Чего гадать? Ищут, не ищут, нам-то какая разница?

Мы здесь, они там. Бурелом обойдём, до лёжки рукой подать.

Хватит валяться, уходим. – Поторопил я. – Зверьё отпугивают. Вот и палят патронов не жалеют. Пошли мужики, ночь совсем близко.

– Ага. – Согласился Гунька. – Патронов у них хоть завались. Айда мужики, спешить нужно. Шипари твари свирепые, для них самое время. Да и погодка в самый раз. Беда тому, кто в грозу из Бочки выйдет. Уносим ноги пока совсем не стемнело.

В лёжку залезли из последних сил, куда не глянь темень непроглядная. Завинтили тяжёлый люк-крышку и попадали на деревянные лежаки. Даже лампу зажигать не стали. Так и уснули, мокрые и грязные.

Охотничья лёжка – это зарытая в землю цистерна. Такие штуки часто встречаются на окраинах. Раньше, они по рельсам ездили, катались по дорогам. Две железные полосы, между ними бетонные палки, вот и вся дорога. У тех цистерн что я встречал, колёса имеются. Наверное, и эта такая же?

Зверь в лёжку не заберётся, потому как железо толстое. Просторно здесь, места много. Молодцы охотники, хорошо обустроились. Люк-крышка с надёжным запором, а что бы не задохнуться (когда мясо коптят), дыры пробили, трубы наверх просунули. Какой никакой, а свежий воздух. Только нам это вряд ли поможет, угорим даже с трубами. От нас смрад расходится, да такой стойкий что впору бочку законопатить, чтобы вся округа нами не провоняла. Ну да ладно, утром отмоемся. Неподалёку, Тухлое озеро в низине. Не знаю, какой дурак его назвал Тухлым? Вода прозрачная, чистая, да такая холодная что зубы сводит. Мне бы сейчас туда, помыться, постираться.

Так и уснул с мечтами о помывке, и сухой, чистой одежде. Сердце болит как про своё ружьишко вспоминаю. Лежит оно в коморке Носатого, пылится. Привык я к нему, проверенное ружьё, надёжное.

– Бродяга. – Зовёт Гунька, толкает в бок. Вокруг темно, не понять день или ночь.

– Чего тебе?

– Люк не открывается. – Жалуется приятель. – До ветру полез, а он гад не поддаётся. Может, какой секрет имеется?

– Как не поддаётся? – Такая новость напрочь разогнала сон.

- А я почём знаю? Я его и так, и эдак. Чуть приподнял и всё, заклинило.
- Ты чего лампу не зажёт?
- Здесь и лампа имеется?
- Представь себе и не одна. А ещё ведро.
- Зачем ведро? – Тихо спросил Гунька.
- Нужду справлять. – Пояснил и на ощупь полез к столу.

Через минуту в лёжке посветлело. Чёрные, грязные доски полов, по обе стороны от стола с лавками. У лестницы ведро, (отхожее место). На дне цистерны песок насыпан, поверх него доски постелены. Лежаки по четыре у каждой стены (деревянные щиты на кирпичках-ножках). Подушки – драные рубахи, набиты сеном. Вот и вся нехитрая утварь. Хотя нет, сразу у лестницы шкаф, с крюками для мяса. Он же коптильня, и печь для обогрева.

На шум и возню поднялись Михалыч с Карлухой. Все столпились под люком. Как мы не тужились, как не упирались крышка не поддавалась. В щель-просвет, разве что кулак пролезет. Руку просунул, а там что-то мягкое и мокрое.

- А давайте гранатой? – После недолгих раздумий предложил Михалыч.
- Чем? – Не сговариваясь спросили мы.

– Вот. – На стол лёг гладкий цилиндр. Михалыч ловко ввинтил в него какой-то штырь с колечком и лапкой. Посмотрел на нас и пояснил. – Это граната.

– И чем она нам поможет? – Коротун схватил цилиндр. Просунул в колечко палец и давай на нём вертеть железку.

– Дай сюда. – Прошипел Михалыч, забрал железку и пнул мелкого ногой под зад. – Ты что вытворяешь недомерок? Угробить нас хочешь?

– Чем? – Карлуха криво улыбнулся опухшими губами. Здорово ему перепало от пришлых. Сильно побили низкорослого. – Ты ври да не завирайся. – Коротун поскрёб затылок. – Таскаешь всякий не потреб.

– Не потреб говоришь? – Михалыч навис над Каротуном как грозовая туча над слабеньким костерком. – Эта штука. – Михалыч потряс гранатой. – Тебе башку враз снесёт. И тебе и всем нам.

– Да пошёл ты. – Огрызнулся низкорослый и пригрозил. – Ещё раз пнёшь, я тебе нос набок сверну. Понял?

– Тихо-тихо. – Гунька поспешил к Карлухе, встал перед ним. – Чего вздыбился?

– Это он вздыбился. – Карлуха взобрался на лавку и пожаловался. – Пинается гад.

– Извини. – Михалыч подсел к мелкому. – Не хотел, сорвался я. Да и ты хорош, хватаешь без спросу. А если.

– Если да кабы. – Карлуха спрыгнул с лавки и отошёл подальше, уселся на лежак.

– Попали так попали. – Сетует Гунька. – Что будем делать?

– Выбор у нас невелик. Ну, так что, попробуем рвануть крышку? – Спросил Михалыч ощупывая пальцами просвет. – Граната пролезет.

– А давай. – Согласился я. – Может что и получится? Хотя. – Не верю я что железка нам поможет. Был бы стальной прут – это куда ни шло.

– Хочу предупредить. – Михалыч слез, отряхнул руки. – Шарахнет по-взрослому, а мы в банке.

– В какой ещё банке? – Гунька уселся на край стола. – Выбираться нужно да поскорей. Не для того я в дерьме купался что бы подохнуть в схроне. Пожить хочется.

– Бродяга и ты Гунька, тащите стол к дальней стене. Поставьте его на бок. – Михалыч встал у лестницы, оттуда и раздаёт указания. – Карлуха собери подушки, ступай за стол, там и сиди. Доски толстые, выдержат.

– Зачем? – Удивился я. – Где люк, а где мы?

– Нужно так. – Пояснил Михалыч, вырвал из железки колечко и полез наверх. – Прячьтесь. Откройте рты, уши руками закройте.

Спорить не стали, сделали всё, как и велел новый приятель. Почти всё, лично я не раскрыл рот. О чём пожалел и очень скоро.

Бабахнуло действительно славно. Со стен облетела ржавчина, лампа, та что под люком свалилась набок и погасла. А вот вторая у шкафа устояла, мерцает слабым огоньком сквозь облако пыли.

Когда бабахнуло, мне показалось лёжка со всем её содержимым подпрыгнула. А следом за нею и мы, все разом подскочили и попадали. А потом, нас накрыло столом. Хотя нет, стол завалился раньше, Михалыч через него влетел. Не ожидал я от него такой прыти.

Гунька матерится, стоит на коленях, сжимает руками уши. Коротун ползает на четвереньках, охает и ахает. А я, глазею в пыльное облако на свет лампы. В голове гудит, на языке привкус крови. И только Михалыч держится бодрячком. Встал, отряхнулся и уверенным шагом направился к люку.

В лёжке ничего не изменилось, всё как стояло, так и стоит на своих местах. Хотя нет, стол поломался, лежит на боку.

Прокашлялись (пыль поднялась столбом) и полезли наверх. Крышка-люк приоткрылась, но недостаточно широко что бы в неё протиснуться. Теперь-то и стало понятно, что мешает нам выбраться. Огромный самец шипаря лежит поверх люка. Не знаю с чего вдруг эта тварь решила помереть именно на крышке. Нашёл же место?

Долго не раздумывая принялись толкать, поднимаем люк. Суём в щель доски от стола, упираемся плечами. Михалыч ругается, торопит. Пыжимся из последних сил, кряхтим, поднимаем крышку. С горем пополам справились, приоткрыли чуток.

На разведку пошёл Карлуха. Невелик мелкий размерами, вот мы его и пропихнули. Матерится низкорослый, потому как бока у него болят, побили сильно, а мы пхнём его в дыру без жалости.

– Братцы. – Коротун оттащил зверя, поднял раскуроченную крышку. Встал на колени и шепчет в дыру. – Да тут такое? – Посторонись. – Предупредил Гунька и полез.

Следом, заторопились и мы. Передали Гуньке оружие и торбу. С автоматом Михалыч не расстается, держит при себе, боится, украдут. Да кому нужен его автомат? В наших краях винтовка в большом почёте.

Выбрались на свободу, я оторопел, потерял дар речи. С два десятка здоровенных шипарей валяются по всей округе. Глаза выпучены, морды перекошены. Языки вывалили, когтистые пальцы недоразвитых передних лап растопырены, задние выкручены. Точно ломали их, но вот кто это смог сделать? Не знаю я такого зверя что справиться с двумя шипарями. А тут два десятка не меньше.

– Вот так подфартило. – Обрадовался Гунька и пустился в пляс. – Всё, отшипелись зубастые.

– Ага. – Согласился Карлуха и заискивающе поглядел на меня, потом на Михалыча. – Мне бы ножичек. Такой, что притупить не жалко.

– Какой ножичек? – Сквозь зубы процедил Михалыч.

– Вокруг ящеров тьма-тьмущая, а тебе ножичек подавай? Свежины захотелось? – Михалыч схватил Карлуху за руку как непослушного ребёнка и потащил к яру. – Поглядели и хватит, уходим.

– Да пошёл ты. – Грубо ответил мелкий, высвободил руку и шустро вернулся к нам. – Сам иди. Мне и здесь неплохо.

– Вы чего мужики? – Михалыч сжал в руках автомат, озирается. – На кой вам эти твари? Время теряем.

– Какое время? Без надобности оно нам. – Карлуха пнул ногой шипаря. – Подошли зубастые. Вот так подарочек. Это хорошо, что я с вами драпанул.

– Бродяга! – Окликнул Михалыч. – Скажи им. Ноги уносить нужно, ищут нас.

– Ищут? – Спросил и посмотрел в сторону Бочки. Её конечно отсюда невидно, ушли мы порядочно. А вот небо далеко видать, хмурое оно тяжёлое, тучи не то что бы чёрные, но дождик срывается. – Не думаю, что кто-то в такую погоду решится начать погоню. Да и кому мы нужны?

– Мы же договорились. – Напомнил Михалыч. – Айда на болото. Постираться нужно, разит от нас хуже не куда.

– Постираемся, как же без этого? – Заверил я. – Отмоемся обязательно. – Пропахли мы нечистотами, одежда к телу липнет, ботинки всё ещё мокрые.

– Кого ждём? – Михалыч закурил. – Недосуг ящерами любоваться. В дорогу пора.

– Сам иди. – Пробурчал Карлуха искоса поглядывает в мою сторону. Ищет мелкий подержку, а я не знаю, как и поступить?

Пообещал Михалычу, можно сказать слово дал. Но и от дармового заработка грех отказываться. Шипарь зверь опасный, мало кто может похвастать удачной охотой. Всё больше не мы на него, шипарь на нас охотятся. Лопатка шипаря – лопатина, вещь нужная в большом спросе она. Потому как крепкая, остроту держит куда лучше железа. Из лопатин отменные топоры выходят. Скорняжных дел мастера лопатиной шкуры кроют. Сносу ей нет. За одну, можно и одеться, и обуться в лучшие кожи. А тут вон их сколько?

– Ага, ступай. – Поддержал Гунька. – Пока все лопатины не срежу, не уйду.

– Шкуры хорошие. – Заметил я, поглаживаю ладонью зверю загривок. Ворс жёсткий, а подшерсток как пух. – За такую, можно сотню патронов выторговать.

– Вот Вы придурки. – Выпалил Михалыч и посмотрел с ухмылкой. – Завалю вас патронами. Айда к тайнику, чокнутые.

– Да, когда это будет? – Гунька правит нож, шаркает лезвием о камень. Много в этом месте камней, а песка ещё больше. – До твоего тайника ещё дойти нужно. Зачем куда-то ходить, гляди сколько добра валяется?

– Брешет. – Карлуха оседлал шипаря. – А ты, покажи патроны.

– В рюкзаке они. – Михалыч тряхнул торбой. – Десять пачек по тридцать штук в каждой. К месту выйдем, в сто раз больше получите.

– Да ну тебя. – Отмахнулся Карлуха и заглянул зверю в пасть. – Вот так зубищи. Гляди Бродяга, клыки что ножи. Попадись такому.

– Ну и чёрт с вами. Подышайте, если хотите. Бродяга, укажи дорогу, один пойду. – Вертит Михалыч головой во все стороны. – Куда идти?

– Нет здесь дорог. К болоту туда. – Я указал пальцем. Впереди глубокий яр, кусты, трава в человеческий рост. – Пройдёшь по оврагу до проплешины. Дальше через лесок. Вонячь начнёт, стало быть пришёл.

– Самоубийцы. – Выдохнул Михалыч, ухватил мешок и потащил его вниз по склону.

– Беги-беги. Дурень! – Вслед ему выкрикнул Гунька, проворно вспарывает ножом крепкую шкуру на спине шипаря. – Давай Бродяга, режь вон того. – Взгляд обозначил зверя у люка. – Карлуха, помогай, тащи за загривок.

– Ага. – Тут же согласился мелкий и вынул из-за пояса

нож. Широкое, хорошо отполированное лезвие, простенькая, деревянная рукоять. Как он его сберёт, почему пришлые не забрали? – Ты Гунька шире подрезай, я на подхвате. – Ухватившись за срез посоветовал мелкий.

– А может ну его? – Тревога Михалыча передалась и мне. Кустарник изломан, ветки к траве прижаты, деревья стоят голые, нет на них листьев. Ночью гремело, наверное, ураган бушевал? Щебечут птички, тишь да благодать, но что-то тревожит. Не спокойно на сердце.

– Ты чего Бродяга? – Гунька срезал мясо на лопатке, отделил от кости и выбросил под куст. – Вот так шипарь, гляди какая костромаха? – Дружок показал добытую лопатку, большую похожую на топорище кость. – Да за такую лопатину, я себе сапоги выше колен стребую. Плащ с капюшоном и штаны заброды. – Гунька вытер ладонью лицо. – Помогай Бродяга.

– Уговорил. – Согласился я. – По одной шкуре и две лопатины на брата. Сделаем всё быстро и уходим. Карлуха, полезай в лёжку, там торбы у шкафа свалены. Позаимствуем, на обратном пути вернём.

– Как по две? А хребты, а когти? – Коротун уставился на меня подбитыми глазами. Здорово ему накостыляли. Не лицо, сплошной синяк, на подбородке присохшая рана, губы распухли.

– А ты ничего странного не заметил? – Спросил и прошёлся к кустам, осмотрелся. На первый взгляд всё, как и прежде, тяжёлое небо, измятая трава, дует лёгкий ветерок. И всё бы ничего, но вот зверьё лежит лохматыми горками. С чего вдруг они подошли? Присел возле шипаря с вывернутой шеей, потрогал его за нос. – Мужики. – Позвал негромко. – Ночью никто не прорыпался? Может что услышали?

– Я не слышал. Спал как убитый. – Карлуха вылез из лёжки с тремя торбами. Поспешил к Гуньке, бросил торбы и взялся за работу, сдирает шкуру. Трудился умело, точно занимался этим всю жизнь. – Подошли и ладно. – Заметил Коротун, не отрываясь от дела. – Передрались, добычу не поделили.

– Ага. Передрались. – Я придиричиво осмотрел зверя. Голова, лапы, спина всё на месте, и ни одной царапины. – Второго свежуете, а крови нет. С чего вдруг они собрались в одном месте и не порвали дуг-друга? По какой нужде пришли?

– И по какой же? – В разной спросили приятели.

– Не знаю. Потому и спрашиваю. Странно это.

– Да ладно тебе. – Отмахнулся Гунька. – Чего тут странного? А помнишь, как целое стадо кластунов в болте увязло? Ты тогда с Тинкой хороводил. И что ты в ней только нашёл? Худая, плоская как доска.

– А Тинка тут причём? – Гляжу на Гуньку, а он не смотрит в мою сторону, режет зверюгу. – Гунька, я к тебе обращаюсь. Оглох?

– Да слышу я, слышу. Про кластунов вспомнил, вот и Тинка припомнилась. – Гунька вытер руки о шкуру зверя, поглядел на меня, улыбнулся. – Охотники тоже не знали, чего это зверьё в болото полезло? Завалили нас мясом. Только ленивый запасы не делал.

– Дурень ты Гунька. – Не удержался я от смеха. – После тех кластунов, все кто на дармовщину позарились, с клозета не вылезали. Не проста зверьё в болото полезло. Что, покупали свежего мяса? От пуза наелись?

– И что? Все живы, не померли. – Гунька бросил на траву кость, и перебрался к другому шипарю. Карлуха поспешил ему в помощь, упёрся ногами и перевалил зверюгу мордой вниз.

– Хватит языки чесать. – Карлуха явно в ударе. – Делом займись. Раньше закончим, раньше уйдём.

– Ага. – Закивал Гунька. – К Серой башне двинем. Там и сменяем добро.

– А как же Михалыч? – Достал я из ботинка нож, вспорол шипарю живот. Сунул руку, нащупал мягкий с кулак размером мешочек. Подёргал его, и медленно вытащил.

– Тебе что, заняться больше нечем? – Глядит Карлуха, кривится. Мешочек выглядит мерзко. Кусок жира в красных пятнах и зелёной слизи. Да и пахло, от него далеко не свежестью. – Зачем тебе эта гадость? – Спросил Коротун и передёрнул плечами.

– Гадость в отхожем месте. А это. – С мешочком в руке я пошёл вниз по склону. Отыскал куст лопухатого, нарвали листьев и вернулся к приятелям. – Вы лопатки режьте, я мешочки достану. На болоте спасибо скажете.

– На каком болоте? – Гунька приловчился вырезать лопатки. На траве растёт гора костей.

- На том самом. Михалыч далеко не уйдёт. Поторопимся к полудню догоним.
- Лично я. – Самодовольно заявил Гунька. – Не пойду. – И я. – Вываливая в песке кости, поддержал Карлуха.
- Здесь останетесь?
- Почему здесь? – Гунька поглядел в хмурое небо, словно там был написан ответ. – В Серую направлюсь.
- А дорогу найдёшь?
- Найду. – Гунька кивнул.
- Что, и через Затхлый посёлок пройдёшь? Или в обход по бурелому полезешь?
- Через посёлок не пойду. – Гунька посмотрел на меня, потом на мелкого. Тот pokrutil носом и с двойным усердием принялся обтирать песком кости.
- То-то и оно. – Веселит меня Гунька своей смелостью. – Ну, так что? – Я посмотрел на низкорослого. – Коротун, может ты, безопасную дорогу знаешь?
- А я там был? – Бросил Карлуха, принимая из рук Гуньки свежесрезанную кость.
- И что нам теперь делать? – Поникшим голосом спросил Гунька.
- Меня слушайте.
- Так мы это. – Приятели переглянулись. – Мы вроде как слушаем. – Заверил Гунька и отложил работу. – Помоги Бродяга, отведи к Серой.
- Обещать не стану. Может и отведу, потом.
- Ага. – Карлуха заметно повеселел. – Я всегда говорил. Бродяга, мне лучший друг. А Тинку – это я ему присоветовал. Подумаешь худая, главное умелая.
- Это точно. – Согласился я и полез в брюхо к зверюге за мешочком слизи.
- Не знаю, сколько мы провозились, без усталости и отдыха добывая лопатки шипарей. Наверное, долго, жадность великая сила. Многих она погубила и сгубит ещё не мало народа. Беда тому, кто не может вовремя остановиться.
- Фух. – Тяжело выдохнул Гунька и уселся на песок. – Передохну чуток и возьмусь за хребты.
- Правильно. – Поддержал Карлуха, потрогал подбитый глаз и завалился на содранную шкуру. – Сперва когтей нарублю. А потом.
- Не будет потом. – Остепенил я мелкого. Треснула ветка, а может и показалось? Глухота после взрыва, вроде бы и прошла, но не до конца. В одном ухе всё ещё звенит. Присел, осмотрелся, всё тихо и спокойно. Почудилось. – Уходим мужики. И как можно быстрее. Добычу сложим в шкуры, оттащим поодаль и закопаем.
- Как закопаем? – Не понравилась Карлухе такая новость. – Не оставлю свою долю. Заберу всё.
- Остынь. – Привалившись спиной к шипарю, посоветовал Гунька. – Не утащить нам добытое. Верно говорит Бродяга. Спрячем, вернёмся отроем.
- А если опередят? – Карлуха поплевал на нож и принялся его вытирать листом лопухатого.
- Не опередят. – Пообещал я. – Главное зарыть поглубже и место обозначить. Раздавим пару мешочков шипаря, для надёжности. Ни зверь, ни человек к нашему добру не сунется. Это я вам гарантирую. – Сказал и потянулся к винтовке. Похоже, не почудилось. Треснула-таки ветка, прозевал, опростоволосился.
- Ну что лишенцы? – Раздался за спиной знакомый голос. – Всё, отбегались твари. Братва, вы только поглядите сколько зверья они укокошили? Нет что бы встать на лыжи, так эти терпилы устроили сафари. Вот придурки.
- А ты кто такой? – Поинтересовался Гунька. Спросил и тут же получил прикладом по спине. Ударили сзади, подленько по разбойничьи. Не увидел я кто это сделал. Глядел как Кар-

луха в яр улепётывает. Рухнул Гунька носом в песок, лежит не шевелится. Крючконосый, мой провожатый к Вохиной баньке вышел из-за куста, плюнул под ноги. Смотрит на меня зубы скалит.

– Что бельма пялишь? Не ждал? – Спросил крючконосый, снял вязанную шапочку и погладил лысину. – Тебя же просили, сиди и не рыпайся. Пей, ешь, девок тискай, за всё уплачено.

Попытался я встать, ухватили за шиворот, потянули назад и резко толкнули вперёд. Грохнулся лицом в песок, но успел заметить ботинок песочного цвета. Тот добротный с толстыми шнурками.

Били меня не долго и не сильно, всё больше по рёбрам, да по спине. Попинали чуток, связали руки за спину и бросили под куст. А вот Гуньке здорово перепало, разбили всё что было на виду, бровь, нос, губы. Боюсь даже представить, что у него под одеждой творится, ногами Гуньку сильно пинали. Особо лютовал недавний мой провожатый, Фугасом его кличут. Помогал Фугасу тот, в ботинках, придерживал Гуньку, бил исключительно по лицу. Мне тоже от него перепало, полез я вступиться за Гуньку. Так этот гад стукнул ногой в живот. Да так умело приложил, дух спёрло. Хорошие у него ботинки, носки тупые, подошва крепкая.

Были ещё трое, грязные какие-то, небритые, морды хмурые. Эти не вмешивались, держались чуть в стороне. Не били они нас, но и не препятствовали. Оружие из рук не выпускают, по сторонам глазают, словно ждут кого-то. Искоса поглядывают на кусты в ярочке, озираются.

Молодец Коротун, успел сбежать, малый рост, в отдельных случаях здорово выручает. Лежу под кустом, гляжу в небо. Тучи уползают в сторону Бочки, дождик закончился, от болота подул ветерок, пахнуло гнилью. Из леса послышалась трескотня напуганных птиц и донеслось уханье. Не громкое, далёкое.

– Чего это? – Спросил Фугас и толкнул меня прикладом в плечо.

– А ты сходи и глянь. – Предложил я, за что и получил звонкий подзатыльник, от того, в ботинках. Станный он какой-то, харю под тряпкой прячет, винтовку с оптическим прицелом точно девку двумя руками к груди прижимает.

– По башке не бей. – Рявкнул Фугас. – Маковка евовная на вес золота.

– Ага, на вес. Только не золота, а дерьма. И воняет от него так же. Парашей разит за версту. Придушит его Ветеринар. Гадом буду, распотрошит как свинью. – Под тряпкой не видно, но по голосу понятно, ухмыляется сволочь. – Я бы этому зашкварку уши отрезал. Башку в мешке притащил и на входе пристроил, что бы другим неповадно было. Бегут твари из Бочки, как тараканы из всех щелей драпают.

– Завали хлебало. – Глядя на дружка сурово и зло, прошипел Фугас. – У меня твои уши и головы, вот уже где. – Бритоголовый, мазнул большим пальцем себе по горлу. – Его башка не твоя забота. Думай где Михалыча искать? Куда он мог затырится?

– А чего тут думать? – Дружок Фугаса подошёл к шипарю. Присел и щёлкнул того по большому чёрному носу. – Зверьё в этих краях интересное, зубастое. Мы здесь как в парке юрского периода. Далёко не убежит, ящеры схавают.

– А если не схавают? Догадываешься, что с нами Ветеринар сделает? – Фугас осмотрелся и плюнул через губу.

– Сожрут. А нет, так в лесу, или на болоте околеет. – В подтверждение его слов, от болота донеслось уханье. Всё ещё тихое, но заметно громче прежнего. – Уходить нужно. Не нравится мне эта музыка.

– Слышь, околеванец? – Фугас тронул меня за плечо, присел и тут же вскочил. – Чем от тебя разит?

– Дерьмом. – Хохотнул тот в добротных ботинках. – Нас увидал и обгадился.

– Куда Михалыч рванул? – Фугас сорвал охапку травы и принялся тереть руки. – Скажешь, отпустим.

– Какой Михалыч?

– Ты дурака не включай. Хорош тупить.

– Не понимаю я тебя. Ты либо говори по-людски, либо отвяжись.

– Стволы у вас новые. – Пнув ногой мою винтовку, заметил Фугас. – Откуда оружие?

– Нашли. В лесу под деревом. Где именно не помню. Ещё вопросы будут?

– А если по башке настучу? – Фугас показал кулак, ухмыльнулся и добавил. – Помыться перед смертью не хочешь? – Хочу. А что?

– А ничего. Колено прострелю, глядишь и память вернётся.

– Фугас. – Позвал рослый, один из тех что держались поодаль. – Уходить нужно.

– Пасть закрой. – Прошипел Фугас. – Когда скажу, тогда и пойдёшь.

– Это ты кому? – Рослый шагнул вперёд, поскрёб квадратную челюсть. – Попридержи коней. Не по своей масти рот раззявил.

– Моргун? – Фугас улыбнулся. – Что же ты про свою козырную масть промолчал, когда Ветеринар твоих дружков Ракло и Тыкву резал? Стоял как опущенный, рта не раскрыл, а тут раздухарился? Закрой пасть и постой в сторонке. Псов своих прибери. Пусть побегают, может следы Михалыча отыщут?

– За метлой следи. Длинная она у тебя, как бы беды не вышло. – Моргун сделал шаг в сторону, уступая место своим приятелям. Те вышли вперёд.

– Оружие на землю. – Прошипел Фугас. – Стволы положите и лапы к небу!

– Язык попридержи. – Заговорил высокий, широкоплечий детина. – Рамсы попутал? Страх потерял, шавка?

– Да я вас. – Фугас вскинул автомат и пальнул поверх голов.

Тут-то и началось светопреставление. Отовсюду стреляют, брань, крики. Перевалился я на бок, хотел сбежать под шумок, а тут как громыхнёт. Сыпанули на меня горячим песком и пнули. Да так сильно что я не успел опомниться как оказался на дне оврага. Всё гудит, шипит, воеет, округу заволочло дымом, в ушах звенит. Отплевался, потёрся лицом о траву. И только открыл глаза, гляжу разбойник, тот гад в добротных ботинках. Скатился он кубарем, спрятался за пнём.

Хлопнул выстрел, второй, третий. Бандит палит не оглядывается. В самую пору напасть со спины, по башке стукнуть. Руки связаны, стукнуть не выйдет, а вот пнуть можно попробовать.

Сверху стреляют, снизу тоже. Бандит прячется за пнём, отстреливается. Лежу под кустом, тру о камень верёвку. Не выходит, запястья оцарапал, а верёвка цела. Остаётся только ждать, кто кого перебьёт? Сзади ухватили за шею, прикрыли рот. Я даже испугаться не успел.

– Тихо Бродяга, тихо. – В самое ухо шепчет Карлуха. – Я это, я. – Мог бы и не говорить, по запаху понятно.

– Руки отекли, развяжи.

– Ага, нож достану.

Хлопнули один за другим два винтовочных выстрела. Наверху кто-то вскрикнул, послышалась отборная брань и проклятья. С холма дали длинную очередь и бабахнуло. Пень, за которым прятался разбойник, разлетелся в щепки, поднялась пыль. Колючая волна посекала куст над головой, посыпались листья, ветки.

– Вот и всё. – Подумал я. Отстрелялся гад. Но гад успел перебраться под дальний куст, припал к винтовке целится, ждёт подходящего момента.

Карлуха улёгся на траву, прикрыл голову руками. А как бабахнуло второй раз, мелкий вскочил. Не знаю, что на него нашло, выпрямился недомерок, с ножом в руке шагнул к бандиту.

Ухватил я Карлуху за шиворот и затолкал под кусты. А сам, бросился на разбойника. Как добежал не помню. Налетел я на него, и принялся охаживать кулаками. Бил что есть силы. Долго бил, а потом ухватил за горло. Удавить не успел, схватили и оттащили. Я вырвался и обратно к бандиту, вцепился ему в горло. Дальше провал в памяти, не помню.

Голова раскалывается, во рту сухо, на зубах песок. Перед глазами ветки синюшки, красные листья, синие цветочки. Воняет болотом и кислым пузырьником.

Приподнялся я на локтях, заболели рёбра, да и спина о себе напомнила. Пинали меня умело, спасибо что не убили. Сам виноват, чего уж тут жаловаться. Не послушал Михалыча, позарился на дармовщинку вот и получил на орехи.

Полежал ещё чуток и перевалился набок. Гунька с Карлухой лежат под деревом. Гунька на боку, спиной ко мне, Коротун в ноги к нему присоседился. А это кто? Не уж-то Михалыч? Ну, да, он. Сопит-похрапывает у пенька.

– Что, оклемался? – Спросили негромко, толкнули в плечо. – На-ка хлебни водички.

– Спасибо. – Ответил так же тихо и повернулся. Здоровенный детина, протянул мне флягу. Морда заветренная, костяшки пальцев сбиты. Глядит ухмыляется. – А ты кто? – прохрипел пересохшим горлом.

– Дед Пихто. – Ответил здоровяк. – Пей, чего уставился.

– Откуда ты взялся? – Вопрос конечно глупый, но спросить стоит.

– Оттуда. – Здоровяк указал пальцем на кусты синюшки за моей спиной. – Ты пить будешь?

– Буду. – Кивнул и взял флягу.

– Много не пей. – Предупредил здоровяк. – Рот пополощи и рожу умой. Стряхни песок.

– Ага. – Согласился, спорить не стал. Почему много не пить? Вопросов больше чем хотелось бы, но спрашивать нет желания, голова трещит.

– Сейчас, я тебя лечить буду. – Здоровяк полез в торбу, достал початую бутылку. – Горло смочил, теперь можно.

– А что это?

– Целебное зелье, лекарство от всех болезней. Водка – Столичная.

– Водка?

– Ага. – Здоровяк задорно подмигнул. – Меня Серёгой кличут. А ты стало быть Бродяга? Верно?

– Верно. – Кивнул и пожаловался. – Голова болит.

– Пей, поможет. – Присоветовал Серёга. – Водка лекарство от всех болезней.

– Лекарство? – Переспросил и сделал большой глоток, на втором поперхнулся. Рот обожгло, спёрло дыхание.

– Дай сюда. – Серёга отобрал бутылку. – Что же ты такой криворукий? Расплескал.

– Извини.

– Ага, щас. – Серёга осуждающе покачал головой и широко улыбнулся, открыто по-доброму. – Будь на твоём месте кто другой, в дыню и под зад коленом. Тебя не трону.

– Почему?

– Что почему?

– Не знаю. – Я улыбнулся, пожал плечами. В животе печёт, в голове туман, качает из стороны в сторону. Не помню, что говорил, о чём спрашивал? Хорошо стало, голова и бока совсем не болят. Не обманул Серёга, зелье действительно целебное.

– Ты на кой ляд на Кистеня набросился? – Закуривая спросил Серёга. – Жить надоело?

– На кого?

– Проехали. – Серёга отвёл взгляд и тихо поведал. – Кистень ещё та сволочь. Был. Повезло тебе парень. Несказанно повезло. На брюхо погляди.

– Куда?

– Куртку ощупай, проверь рубаху. Он тебе клифт располосовал. Если бы не пряжка. – Серёга хлопнул меня по плечу. – А вообще-то, ты молодец. Не навались на него, лежать и мне на пригорке. Этот лишенец моих корешей положил.

– А где он?

– Прижмурился.

– Это как?

– Отдыхает, спит вечным сном. Твой дружок, рыжий, больной на всю голову. Нам-то и нужно было, Кистеню пару вопросов задать. А тут такое. – Здоровяк пыхнул облаком табачного и повернулся на шум. От оврага, донеслось хлюпанье и угуканье, шумшарь-носорогий на кормёжку выполз. Зверь с виду грозный, но это только с виду. К людям близко не подходит.

– А вы? – Тяжело вздохнул и приложился к водке. Набрал полный рот, проглотил легко, даже не поморщился. Хорошее у чужаков зелье, тепло в животе, а вот во рту как-то гадко. – А вы как живёте? Откуда к нам пожаловали?

– Издалека. – С лёгкой печалью в голосе ответил здоровяк. – Слышь. Ты это. – Серёга отполз на коленях, зарылся рукой под куст. Выволок ботинки песочного цвета, положил у моих ног. – На кой они тебе?

– Кто?

– Берцаки Кистеня. Ты в них мёртвой хваткой вцепился. Орал как потерпевший, горла-нил, твои они. Вот я решил, если твои, владей.

– Мои? – Хлопаю глазами. Не помню, хоть убейте ничего не помню. Когда орал, кому? Взял ботинки, посмотрел на них и спросил. – А когда они моими стали?

– Забудь. – Серёга отмахнулся. – Кистеню они больше не нужны. Берцаки отличные, тёплые и воды не боятся. Я тоже прибарахлился. – Серёга похлопал себя по груди. – Бушлат отвернул, почти новый. И Михалыч поживился, шпалер у Фугаса отжал.

Что проехали, на чём, когда? Какой шпалер? Держу в руках ботинки с толстыми шнурками, те самые, что приглянулись ещё в Бочке. Смотрю на них и пытаюсь вспомнить, с каких пор они моими стали?

Допили мы бутылку и совсем за дружились. Серёга, подарил мне винтовку с оптическим прицелом. Сказал – она идёт в комплекте с берцаками. А ещё, посулил несметные сокровища. Пообещал, когда выйдем в нужное место, даст патроны, консервы и одежду. Врет, как и все пришлые. Но этот врёт красиво, доверительно. А ещё, много спрашивает о нашей жизни. Откуда зверьё диковинное? Что делаем, чем на пропитание зарабатываем? Я ему поведал о своём промысле. Рассказал, как и зачем хожу в Тихий. Где именно роюсь, что отыскиваю, как и у кого меняю добытое. Слушает он внимательно, смеётся, подшучивает.

Пришёл черёд и ему о себе рассказать. Жил Серёга в небольшом посёлке, работал на машине. Была жена, годовалый сынишка. Что-то у них с женой не заладилось. Выпивать Серёга начал. Пил горькую без меры, на пьяную голову и настучал кому-то по кумполу. По голове значит. Прикрыли его – посадили в каменный дом. У нас, дать морду первое дело. Не дашь ты, тебе накостыляют. А у них за такое, в клетку сажают. Жена вызволять не захотела. Бросила Серёгу, забрала мальчонку и перебралась к матери. А потом война началась. Каменный дом с решётками разломали. Всех, кто в нём был заперт воевать послали. В странном месте они живут, за драку в клетку, дом развалили и на войну. Вроде как всего хватает и еды, и промысла. Дома хорошие, большие и светлые. Вода горячая из кранов бежит, электричеством дома освещают, керосина много. Зачем, почему воюют неясно. Но я подозреваю, всё из-за керосина. Врёт Серёга, не может быть его много. Когда огромная толпа людей живёт в одном месте, керосина кому-то да не хватит. Упомянул мой новый приятель о больших домищах, там патроны, оружие, и керосин делают. Но вот как отыскать это местечко, за каким лесом и болотом, я так и не узнал. Вроде бы и рядом оно, но вот где не понятно.

Проболтали мы с Серёгой долго. Болтали бы ещё дольше, да проснулся Михалыч, ворчать начал. Злится он сильно, ругает за выпитую водку и за то, что торчим на поляне. Как оказалось, пока я лежал в отключке они уже выпили одну бутылку – снимали какой-то стресс. Разморило и уснули. Погоня за нами, а мы как на курорте. Это Михалыч так сказал.

Называл он меня долбнем, а Серёгу – Сюндедем и членистоногим. Не понравилось мне новое словечко. Может интонация, с которой Михалыч его повторил неоднократно, а может ещё что-то насторожило. Сказал я Михалычу, пару (добрых) слов, перестал он меня долбнем обзывать. А вот Серёга-Сюндель молчит, кивает головой, соглашается.

Разбудили Карлуху и Гуньку, взяли свои вещи и двинулись в путь. Погоня за нами, уходить нужно.

Вышли из леса, перебрались через молодую поросль сиреневицы. Сиреневица – это куст такой. По весне, только-только начинает таять снег, на нём появляются цветочки. Вокруг всё белым бело, а на голых ветках сиреневые цветы висят гроздьями. Красиво. Что-то я увлёкся, нет цветов в эту пору, а болото всегда в одной поре. Огромное, мрачное, куда не глянь камыш поднялся непролазной стеной, коричневые баськи торчат к небу. До локтя они вырастают, и толщиной с кулак. Хорошая штука баська, полезная, спасает от кровососов. Отломаешь кончик подожжёшь, раздуешь, и повалит дымок. Кусачие букашки и комары от этого дыма шарахаются. Наломали басек и побрели дальше.

В зарослях много звериных троп. Узкие, широкие, и все они уводят к воде. Люди на болоте редкие гости, мало кто сюда заходит, боятся. А кто и приходит, троп сторонится. Кто знает куда и на кого они выведут? Да и незачем по тропам ходить. Чуть в стороне дорога имеется, широкая, из булыжника. Ведёт она через болото на остров к Серому посёлку. Почему Серый, не знаю. Может из-за колокольни, её издали видно, серая она. На болоте всё серое, мрачное и унылое.

Стоят на острове домишки кособокие, крыши давно рухнули. Зарылись домишки в траву, а она выше окошек поднялась. Колокольня тоже стоит, склонилась на бок, того глядишь завалится. Колокол, в ветреную погоду жути нагоняет. Бамбам-бам, разносится по всей округе. И как-то ладно он бамкает, точно звонарь в него бьёт. Народ всякое про колокольню болтает. Поговаривают – живёт там призрак прежнего хозяина. Он и раскачивает колокол. Раз десять здесь бывал, да так и не решился сходить, проверить. Страшно.

Вышли на дорогу и побрели по колено в воде. По краям от дороги трава выше плеч, а здесь простор, двумя телегами можно разехать ещё и место останется. Под ногой ил расползается, ботинки упираются в твёрдый камень. Хорошо идти по дороге, одна беда скользко. Прошли больше полпути, зажгли баськи. Именно здесь начинается самое комариное место, кровососов так много что белого света невидно. Пищат противно, да так громко, что неслышно кваканье жаб и щелбет птиц.

Идём-бредём дымом мошек разгоняем. И тут, ни с того ни с сего занял Карлуха. Коротун тащит по воде свой мешок, забитый под завязку лопатинами шипарей. Шли через бурелом, продирались сквозь кусты крючкаря, даже не пикнул, а тут принялся нудить.

– Укусили за ногу. Болит. Крутит. – Прихрамывая жалуется низкорослый.

– Брось торбу. – Посоветовал Михалыч.

– Нет. – На отрез отказался Карлуха и остановился. – Чего это там? – Спросил Коротун тычет пальцем. Возле мешка расходятся круги. – Бродяга! – Позвал Карлуха. – Иди, глянь-ка.

– Что у тебя? – Не хотел, но вернулся. Торба у меня с мешочками шипарей и две винтовки.

– Да вот. – Карлуха потянул за мешок. Тот чуть подался и снова отполз. – Видал?

– Видал ну и что? Зацепилась твоя торба. Не тащи по воде, на плечо забрось.

– Мокрый он. – Пожаловался мелки, мотает на руку лямку. – Я это. – Карлуха потянул мешок, но тот не поддался. Точно держит его кто-то. – Чего это он? – Мелкий узлом на руке затянул лямку и дёрнул. Мешок подпрыгнул и исчез под водой. Следом за ним пропал и Карлуха. Скрылся под толщей воды только мы его и видели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.